

A young woman with dark hair styled in a traditional Japanese fashion, adorned with red and white floral ornaments, is playing a bamboo flute. She is wearing a vibrant red kimono with a subtle floral pattern. The background features a traditional Japanese temple with multiple tiers of dark, curved roofs and red wooden pillars, set against a soft, hazy sky. The overall mood is serene and cultural.

ЯНТАРЬ

ПУТЬ
БАМБУКОВОЙ
ФЛЕЙТЫ

Янтарь

Путь бамбуковой флейты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72587545

SelfPub; 2025

Аннотация

Попасть под машину и возродиться в теле «убогой» аристократки – не лучший сценарий для второй жизни. Особенно в мире, где магия – это шепот духов в древних артефактах, а тебя считают безумной, потому что ты этот шепот слышишь. Выданная замуж за неблагонадежного правителя пограничных земель, я оказываюсь в паутине клановых интриг. И мои единственные козыри – знания из нашего мира и магия бамбуковой флейты. Хватит ли этого, чтобы вырваться из клетки и построить для себя лучшую жизнь?

Содержание

1. Имя, которое клеймит	4
2. Тревожный листопад воспоминаний	11
3. Слово, разорвавшее тишину	18
4. Глаза черней обсидиана	26
5. Уроки под старым клёном	33
6. Правда трости и гребня	39
7. Летящие вдаль журавли	45
8. Голос долга и скорби	53
9. Тяжесть украденного плаща	60
10. Опасность горной ночи	71
11. Ветер страха и ярости	78
12. Договор Молчаливых Слов	85
13. Родной незнакомый дом	93
14. Холод вороньей скалы	101
15. Дом заходящей луны	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Янтарь

Путь бамбуковой флейты

1. Имя, которое клеймит

Сознание вернулось ко мне внезапно и болезненно. Первым пришло ощущение удушья. Мои легкие словно сжались в комок где-то под ребрами. Горло сдавило невидимой удавкой. Я забилась в немом крике. Тело выгнулось в дугу, и в меня хлынул поток ощущений.

Осязание. Я лежала на чем-то жестком, под щекой – грубая ткань.

Запах. Пыль, тошнотворный душок немытого тела и едва уловимый сладковатый аромат тлеющих благовоний.

Слух. Где-то рядом посвистывал ветер, заывая в щелях. Но это был не единственный звук. Еще был... шепот. Неясный, многоголосый, он лился отовсюду, давил на виски, сверлил мозг, не давая собрать мысли воедино.

Я попыталась открыть глаза. Веки словно налились свинцом. Моргнув несколько раз, я наконец смогла разлепить ресницы. Зрение плыло, прежде чем мне удалось сфокусировалось на стене прямо перед собой. Грубый, темный камень.

«Где я?» – попыталась спросить я, но из горла вырвался

лишь хриплый стон. Этот звук испугал меня еще больше. Паника, острая и слепая, снова сжала мое горло. Я попыталась подняться, но руки не слушались. Они были ватными, лишь слабо дернулись в ответ на приказ мозга. Ноги тоже были тяжелыми, как чугунные болванки.

Внезапно скрипнула дверь, и шепот на мгновение стих, отступив перед реальными звуками. В комнату вошли две женщины. Одна – постарше, с усталым, но добрым лицом, в простом темном одеянии, с чашкой в руках. Вторая – моложе, с острыми чертами лица и плотно сжатыми губами. Она несла таз и тряпку.

– О, проснулась наша красавица, – язвительно произнесла молодая, с грохотом ставя таз на пол. – Ну что, Осиэки, нагулялась в своей стране грез? Пора и честь знать. Надо тебя привести в порядок, а то воняешь, как залежалая коровья туша.

Имя «Осиэки» прозвучало как плевок. Я инстинктивно поняла, что обращаются ко мне. И хоть слова звучали неприлично, я понимала их смысл. Как поняла, и что означает это имя – Осиэки. Бремя.

Меня зовут «Бремя»? Что за чушь! Меня зовут... Ох... Как же меня зовут?!

Пожилая женщина вздохнула.

– Оставь ее, Фудзико. Не ее вина, в каком она состоянии.

– Очень даже её! – огрызнулась Фудзико. – Другие работают в поле до седьмого пота, а эта, благородная да убогая,

лежит тут, как бревно, и за ней еще ухаживай, как за младенцем.

Она подошла к ложу, на котором я лежала, и грубо потянула меня за руку. Я бессильно дернулась, еще один стон вырвался из губ.

– Видишь, Киёми? Даже голову держать не может. Ну-ка, садись, принцесса.

Сильные руки подхватили меня, как мешок с опилками, усадив на край лежака. Мир поплыл перед глазами. Но затем я наконец смогла рассмотреть свое тело. Худое, почти дистрофичное, одетое в грубую серую робу. Из рукавов торчали тонкие, бледные, как побеги спаржи, пальцы с грязными ногтями. Они слабо дергались. Фудзико, ворча, принялась снимать с меня одежду и протирать голую кожу влажной тряпкой. Прикосновения были резкими, безжалостными. Пожилая женщина, Киёми, подошла с чашкой.

– Попей-ка, – мягко сказала она. – Горло, наверное, пересохло.

Она поднесла к моим губам чашку. Запах какой-то травы ударил в нос. Инстинкт самосохранения заставил сжать губы. Я не знала, что это за напиток, что это за люди...

– Ну же, пей, – Киёми терпеливо наклонила чашку.

Жидкость, теплая и горьковатая, потекла в рот. Я подавилась, все еще сопротивляясь, снова закашлялась, но все же глотнула. Потом еще. Жажда оказалась сильнее страха.

Фудзико тем временем закончила грубый туалет и натя-

нула на меня другое одеяние, такое же простое и серое, но хотя бы чистое.

— Ну вот. Теперь почти человек. Только мозгов все равно нет. Идиотка. Вечно с этой дуростью возиться.

— Фудзико, хватит, — голос Киёми прозвучал строго. — Отведем ее в сад. Пусть подышит воздухом. Сегодня хороший день.

Молодая служанка фыркнула, но послушно взяла меня под локоть и потащила к двери. Ноги волочились по каменным плитам, цепляясь за неровности. Я чувствовала себя беспомощной куклой. Мы вышли в узкий коридор, и шепот, который я слышала после пробуждения, усилился. Каждый камень здесь словно был жив и говорил со мной. Старая дверная скоба прошептала что-то, за ней ветхий половик под ногами. Я не могла разобрать слов, но моя голова раскалывалась от этого нестерпимого гула.

Наконец мы вышли в небольшой садик, укрытый со всех сторон высокими каменными стенами. Солнце ударило в глаза, заставив щуриться. Воздух был свежим и чистым, пахло хвоей, влажной землей и чем-то цветущим. На мгновение шепот утих, уступив место пению птиц и шелесту листьев на единственном стареньком клене посередине сада.

Фудзико грубо усадила меня на плоский камень у стены.

— Сиди тут и не дергайся. Не убежишь ведь, куда тебе, — она бросила взгляд на Киёми, которая вышла следом. — Я пойду, еще дела есть. Надо корнеплоды перебрать.

– Мы должны присматривать за ней, – возразила Киёми, садясь рядом со мной.

– Присматривать? За этой? Да она с места не сдвинется. Я лучше чем полезным займусь, чем на дурочку смотреть. А если ты так переживаешь, давай привяжем ее к дереву веревкой, как скотину, тогда точно никуда не денется.

Сердце моё бешено заколотилось. Привязать? Как животное? Ужас сковал меня снова. Я попыталась издать протестующий звук, но снова получилось лишь мычание.

– Фудзико! – в голосе Киёми впервые прозвучала настоящая строгость. – Это недостойно! Она не животное. Она несчастная душа. Предки забрали её разум, но мы должны проявлять милосердие. Иди, если хочешь. Я посижу с ней. Мне все равно нужно заняться починкой старого белья.

Киёми подняла с земли корзинку, которую принесла с собой, и достала оттуда шитьё. Фудзико скривилась в гримасе презрения.

– Милосердие. Твое милосердие нам лишние проблемы создает. Сиди сама тогда со своей убогой.

Она развернулась и ушла, громко хлопнув дверью. Наступила тишина, нарушаемая лишь птицами и размеренными движениями Киёми. Я же сидела, вжавшись спиной в камень, не в силах пошевелиться, пытаюсь осмыслить кошмар, в который попала. Убогая. Дурочка. Бремя. Осиэки. Что это? Где я? И самое главное – кто я такая?

Я подняла голову и посмотрела на старую Киёми, которая

тихо напевала что-то себе под нос. Единственный луч доброты в аду, в котором я очнулась. А потом мой взгляд упал на ее руки, на длинную занозу-иглу, которой та шила. Острый конец блестел на солнце. И вдруг, совершенно безумная, отчаянная мысль пронзила мозг. Мысль, рожденная паникой и инстинктом самосохранения. Может я просто сплю, а все это дурной сон? Кошмар, из которого я не могу выбраться? Нереально реальный. Я должна что-то сделать. Должна проверить, правда ли это все. Должна... почувствовать боль. Да, свою боль. Что-то простое и понятное. Чтобы проснуться, нужно бы ущипнуть себя – но пальцы не слушались. Тогда собрав всю свою волю, все силы, которые ещё оставались в этом немощем теле, я сделала рывок. Рука дернулась, как у марионетки, и упала на колени Киёми. Пальцы, слабые и неловкие, сомкнулись вокруг иглы.

Старушка Киёми вздрогнула от неожиданности.

– Дитя? Что ты? Дай сюда, ты уколешься...

Но было поздно. Я уже потянула иглу к себе. Острый конец вошел в подушечку пальца, рядом с ногтем. Игла была тупой, она не проколола кожу, а скорее разорвала ее, вызвав волну жгучей, яркой, невероятно реальной боли.

Я застыла, глядя на выступившую каплю алой крови. Боль была прекрасна. Она была моей. Только моей. Это был единственный якорь в океане безумия, единственная правда в этом кошмаре... который, кажется, был совсем не кошмаром, а явью.

И в тот же миг, будто боль была ключом, открывшим какую-то дверь, шепот вокруг на мгновение прояснился. Ветер, гулявший по саду, пронесся мимо моего уха, и я услышала не просто шум, а слово.

«Проснись...» – прошептал ветер. И мой мир перевернулся окончательно. В меня хлынули Воспоминания: о стремительном движении, о пронзительном визге тормозов, об ослепительном свете фар. Я бежала. Бежала через дорогу, торопясь, проклиная свои каблуки и длинное платье, мешавшее сделать широкий шаг. В руке тяжелый футляр с инструментом. Репетиция. Очень важная репетиция, маэстро будет кричать... флейта... я играла на флейте... А потом – свет. Удар. Ощущение полета и падения одновременно. И тишина.

2. Тревожный листопад воспоминаний

Я замерла, но не от боли. Боль была ничтожной по сравнению с тем вихрем, что бушевал у меня в голове. Киёми ахнула, отшатнувшись, ее доброе лицо исказилось испугом.

— О, дитя! Что же ты наделала! Вот же, не уберегла тебя старуха!

Ее пальцы, шершавые и теплые, осторожно взяли мою руку. Она что-то быстро и взволнованно говорила, но я почти не слышала. Потому что в тот миг, когда боль пронзила палец, в моем сознании что-то щелкнуло, как будто сломанный замок вдруг поддался отчаянному усилию.

Меня зовут Аня. Не какое-то там бремя, а Аня! Анна Сергеевна Орлова. Мне двадцать шесть лет. Я живу в Санкт-Петербурге, в маленькой квартирке на Васильевском острове, из окна которой виден кусочек Финского залива. Я играю на флейте в камерном оркестре. У нас завтра важнейший концерт в Филармонии, мы играем Моцарта, и я бегу на последнюю репетицию, я опаздываю, потому что... потому что...

Память нарисовала картину с пугающей яркостью. Мокрый асфальт, отражение фонарей. Я перебегаю дорогу, зажимая тяжелый черный футляр с инструментом. Заветные огни пешеходного перехода горят красным, но я тороплюсь, я не

могу опоздать, маэстро будет в ярости. Резкий, пронзительный визг тормозов. Ошеломляющий удар в бок. Ощущение невесомости и падения. А потом – вот это. Каменные стены. Грубая одежда. Нemoшь чужого тела. И этот сводящий с ума шепот. Кажется, я мертва. Я попала под машину и погибла. Эта мысль обожгла меня изнутри, как раскаленное железо. Так это не сон. Не кошмар. Это... после. Что-то после. Но что именно? Ад? Рай? Реинкарнация?

Моя голова раскалывалась, пытаюсь вместить невместимое. Я мертва, но я чувствую. Я погибла, но я думаю. Я вижу эти стены вокруг сада, вижу единственное деревце, чувствую прикосновение Киёми, слышу ее испуганное бормотание.

– Сиди тут, сиди, дитя, я сейчас, схожу за помощью! – произнесла она и, доковыляв до двери в каменной стене, скрылась за ней.

Я осталась одна. Мои мысли, мое горе и мой ужас наконец-то стали громче внешнего гула. И я заплакала. Беззвучно слезы текли по щекам и капали на грубую ткань одеяния, оставляя темные пятна. Я плакала по себе. По моей жизни, по моей музыке, по маме, которая считает, что ее дочь погибла под колесами. По будущему, которое отняли у меня в одну секунду.

А потом, сквозь слезы, я слышала их снова – призрачные голоса. Но теперь это был не просто белый шум, у меня получалось разобрать не все, но отдельные слова стали понятны. Стена за моей спиной шептала о возрасте, о тысячах

дней, что она видела. Камень, на котором я сидела, тихо жаловался на жизнь. Сам воздух в саду был наполнен легкими, невесомыми голосами, похожими на шелест крыльев бабочек. Они говорили о пустоте, о ветре, о редких вздохах тех, кто ходил здесь прежде. Это было ужасно и... потрясающе. Я сошла с ума. Другого объяснения не было. Впрочем, смерть, сумасшествие – какая разница? Или все же я перенеслась в другой мир после смерти, и призраки здесь – вполне обычное явление?

Дверь снова открылась, выпуская Киёми и другую женщину, пожилую, сухую, с внимательными, пронзительными глазами и деревянным ящиком в руках. Лекарка.

– Вот посмотри на нее, Уми, – запричитала Киёми. – Сама себя поранила, бедняжка, совсем не соображает, что творит.

Женщина по имени Уми молча подошла, поставила ящик на пол и присела на корточки передо мной. Ее взгляд был острым, изучающим, но без жалости. Она взяла мою руку и внимательно осмотрела ранку.

– Пустяк, – хрипло сообщила она. – Ничего страшного, уже почти само зажило. Зря ты всполошилась, сестра Киёми.

Она открыла ящик, достала глиняную баночку с густой пастой, пахнувшей травами и чем-то горьким, и аккуратно наложила средство на палец. Боль сразу же утихла, сменившись приятной прохладой.

Пока она работала, женщины говорили. И я, затаив дыхание, впитывала каждое их слово, как губка.

– Беда и с ней, и с её родней, – вздыхала Киёми, покачивая головой. – Она ведь из знатного рода, из самих Кайдо. Небось, в клане надеялись на блестящую партию, а она... вот такая. После лихорадки будто пуста внутри осталась. Мычит только и ходит, как тень.

Кайдо. Значит, фамилия этого тела Кайдо. А зовут ее... точнее теперь уже меня... зовут Осиэки. Бремя. Да уж, и кому в голову пришло так ребенка назвать!

– Лихорадка, говоришь? И давненько ее сюда упекли? – спросила Уми, не отрываясь от перевязки.

– Да лет пять, не меньше, – прикинула Киёми. – Чтобы видом своим клан не позорила. Легенду, конечно, красивую сочинили, будто по зову предков в уединение удалилась, для молитв о процветании семьи. А на деле... вот. Прислали и забыли. Изредка только слуги приезжают, на содержание обители пожертвовать. И ни разу никто не спросил, как она, здорова ли.

Сердце сжалось от жалости к этой девушке, в чьем теле я теперь находилась. Ее выбросили. Сдали, как бракованную вещь, и постарались забыть. Меня тоже, бывало, преследовало чувство, что я не оправдываю чьих-то ожиданий. Маэстро часто был мной недоволен, говорил, что мне не хватает страсти, что я играю технично, но без души. А вот теперь я точно знала, что душа у меня имеется – и она сейчас застряла в чужом теле, которое является обузой по определению. Какая ирония. Я бы ухмыльнулась, если бы могла ше-

вельнуть губами.

Лекарка закончила перевязку и щелкнула ящиком.

– Выживет, – констатировала она. – Крепкая, не смотря ни на что. Хотя я впервые слышу, чтобы от лихорадки душа из тела выходила, да ещё и в таком возрасте. Чай не ребенок она. Странно.

– Мне настоятельница так говорила. Не знаю, Уми, я в медицинских дела ничего не ведаю. А что в этом странного? – нахмурилась Киёми.

Лекарка поднялась и повела плечами, разминаясь. Помолчала, вглядываясь в дерево.

– Всякое бывает по воле предков, – наконец сказала она. – Но раз ты говоришь, она из Кайдо... Уж там лекари такие пользуют господ, не чета мне. Лихорадку уняли бы легко. Вот если б отравил ее кто... или проклял... Или может с ками-артефактом сама девица заигралась...

– Это нас не касается, – поджала губы Киёми.

– И то верно, – и лекарка ушла, оставив нас с Киёми наедине.

Повисло молчание. Киёми снова приняла за своё шитье, отсев от меня чуть подальше. Шло время, она напевала себе под нос, не обращая на меня внимания. А я думала.

У меня в голове крутилась мысль, дикая и безумная: а вдруг это кома? Вдруг я лежу в больнице, а все это – лишь галлюцинации поврежденного мозга? Но боль от недавнего укола была слишком реальной. Запахи были слишком ярки-

ми. А шепот... его невозможно было придумать.

Нет. Это было что-то другое. Необъяснимое. И если это правда, если моя душа каким-то образом перенеслась в это тело, в этот мир, то вариантов у меня не оставалось. Лечь и снова умереть я не собиралась. Мне нужно было сначала выжить, а потом построить новую жизнь. А для этого нужна информация. И нужны союзники. Киёми, с ее добрым сердцем, пока выглядела единственным кандидатом на эту роль.

Спустя пару часов она повела меня в трапезную. Длинный зал с грубыми деревянными столами, где молча сидели другие обитательницы обители в таких же серых одеждах. Еда представляла собой простую похлебку с зерном и тушеные овощи. Киёми посадила меня рядом с собой и... начала кормить с ложки.

Унижение охватило меня с новой силой. Я взрослая, самостоятельная женщина! Я сама зарабатывала на жизнь, сама оплачивала свою квартиру! А сейчас я сижу с открытым ртом, как птенец, и жду, когда в него положат еду. Руки лежали на коленях, тяжелые и непослушные. Я попыталась было заставить их подняться, схватить ложку – пальцы лишь слабо дернулись. В горле встал ком. Я хотела крикнуть: «Я сама!» Но издала лишь тихий, жалкий звук.

Слезы снова подступили к глазам. Но я сморгнула их. Гордость сейчас была роскошью, которую я не могла себе позволить. Я покорно открывала рот, глотала безвкусную похлебку и наблюдала. За монахинями. За их распорядком. За тем,

как они смотрят на меня – с равнодушием, с легкой брезгливостью, с редкой искоркой жалости. Я слушала их разговоры и запоминала. Каждая деталь могла оказаться важной.

После еды Киёми отвела меня обратно в мою каменную комнатку. Она помогла мне лечь на жесткую лежанку, поправила одеяло – грубый, тонкий войлок. Ее лицо было усталым и печальным.

– Спи, дитя, – прошептала она. – Завтра будет новый день. Все наладится.

Подняв масляную лампу повыше, чтобы осветить себе путь, она уже собиралась уйти, повернулась к двери, когда во мне что-то перевернулось. Я собрала все свои силы, и заставила непослушные, чужие губы сложиться в нужную форму. Звук вышел сиплым, едва слышным. Простое слово, но каких усилий оно мне стоило.

– Спа... си... бо...

Я не сказала, а прошептала его. Но Киёми замерла на полпути к двери. Ее спина напряглась, и она медленно обернулась. Ее усталые глаза были широко раскрыты от изумления.

3. Слово, разорвавшее тишину

Слово повисло в воздухе между мной и Киёми, словно призрак, явившийся из ниоткуда. Ее лицо было маской абсолютного, неподдельного шока. Она не улыбнулась, не обрадовалась. Она смотрела на меня так, будто я внезапно заговорила на языке демонов. Ну или кто у них тут в этом мире отвечает за нечистую силу. Ее рука дрогнула, и она чуть не выронила масляную лампу, которую держала.

– О-осиэки-син? – наконец выдохнула она, и ее голос дрожал. Я не ответила. Просто не было больше сил. Просто смотрела на нее, вкладывая во взгляд всю ту ясность, на какую была способна. Мне хотелось бы верить, что Киёми осознала: это не был случайный звук. Это было осмысленное слово, моя благодарность. Но поняла ли она? Медленно пятясь, она вышла из комнаты, не сводя с меня глаз, и тихо прикрыла дверь. Я осталась одна, и сердце мое колотилось как сумасшедшее.

Я справилась. Первый шаг сделан. Я так мало знала об этом мире, что не была уверена, что поступаю верно. Вдруг таких как я – пришедших в себя после многолетнего беспомытства – в этом мире не жалуют? Вдруг это будет воспринято, как... не знаю... колдовство? Вдруг за такое тут сжигают на костре?

Мне это было неизвестно. Но страх только подстегивал

меня. Я не могла больше просто лежать и ждать, пока за мной придут либо палач, либо очередная порция похлебки. Я должна была научиться управлять этой сломанной куклой, в которую вселилась.

Так и потянулись дни. С того момента я начала трудиться над тем, чтобы обрести подвижность и речь. Сначала – пальцы. Я смотрела на свою бледную, худую руку, лежащую на грубом одеяле, и отдавала мысленные приказы. «Пошевелись». Ничего. «Сожмись в кулак». Снова ничего, лишь предательское подрагивание кончиков пальцев. Я чувствовала их, ощущала дуновение воздуха на коже, но связь между мозгом и мышцами была словно оборвана. Уж не знаю, что за лихорадку такую подхватила бедняжка Осиэки, бывшая владелица этого тела. Больше похоже на обширный инсульт! В моей прошлой жизни у одной из моих одноклассниц подобное случилось с отцом – я помню, что он смог восстановиться только спустя полгода. Пришлось долго разрабатывать неподвижное тело. Но он смог, хоть одна половина лица так и осталась закаменевшей. Может с Осиэки произошло что-то подобное? А может и правда отравили или прокляли, как предположила Уми. К сожалению, памяти настоящей Осиэки мне не досталось. До всего придется докапываться самостоятельно.

Кажется, на пятый день после начала моих тренировок случился первый успех. Я в миллионный раз закрыла глаза, представила свою руку. Не эту тощую, чужую конечность,

а свою, привычную, с мозолью на указательном пальце от флейты. Я представила, как беру инструмент, как пальцы сами собой ложатся на клапаны, отработанные до автоматизма. И... мизинец дрогнул. Еле-еле, почти незаметно. Но это было движение! Не спазм, а сознательное усилие. Воодушевленная, я продолжила. Когда Киёми приводила меня в комнату и укладывала спать, я проводила часы в полной тишине, разговаривая сама с собой, отдавая приказы своему телу. Пальцы, кисть, запястье. Потом ноги. Я пыталась сгибать пальцы ног, шевелить ступнями под одеялом. Это было невероятно сложно, мучительно, но я чувствовала, как понемногу, миллиметр за миллиметром, связь восстанавливается. Нервные пути, годами пребывавшие в бездействии, потихоньку оживали.

Самым странным было тренировать лицо. Я корчила рожицы в пустоту, пытаюсь заставить мышцы запомнить новые выражения. Улыбнуться. Нахмуриться. Вытянуть губы трубочкой. Вскинуть брови. Высунуть язык. Получалось ужасно, как у парализованной – впрочем, я наверное такой и была, но я не сдавалась. Я не могла позволить себе выглядеть пустоголовой убогой, если хотела выжить.

Однажды, когда я особенно усердно гримасничала, пытаюсь приподнять бровь, дверь скрипнула. Я замерла, мгновенно приняв привычное бездумное выражение лица. На пороге стояла Киёми. Она не вошла, просто пристально смотрела на меня. Она явно что-то подозревала. Мое «спасибо» и после-

дующие дни тихих сосредоточенных усилий не прошли незамеченными. Она больше не бормотала при мне что-то бессвязное, обращаясь как к несмышленищу. Теперь она иногда замолкала и просто смотрела на меня, и в ее взгляде была не жалость, а настороженное любопытство.

Мне теперь то и дело приходилось делать вид, что я засыпаю, сидя рядом с ней. Именно в эти моменты она немного забывалась, и из ее разговоров с другими монахинями, я и выуживала крупницы информации. Мой род – Кайдо – был одним из самых влиятельных и богатых при Императорском дворе. Моя «болезнь» стала для них страшным ударом и бесчестьем. Отсюда и эта легенда об уединенной почитательнице памяти предков – чтобы скрыть позор. Меня не просто сдали сюда. Меня похоронили заживо в этих стенах, чтобы я не портила им их идеальную картину мира. Жестокость и лицемерие этой ситуации заставляли меня сжимать кулаки с новой силой. Я тренировалась теперь не только ради выживания, но и из чувства протеста.

А еще... еще был шепот. С каждым днем слова становились все отчетливее. Я училась не просто слышать этот гул, а настраиваться на него, как настраиваешь инструмент перед концертом. Я могла выделить один голос из хора. Чаще всего это был тихий, печальный голос старого клена в саду. Он шептал о солнце и дожде, о птицах, что садились на его ветви, о долгих зимах. Это было похоже на медленную, монотонную музыку.

В один из дней Киёми повела меня в прачечную – низкое каменное помещение с чанами для полоскания. Я покорно и безучастно сидела на скамье, пока она возилась с бельем. Но потом мое внимание привлекло маленькое, треснувшее зеркальце, висевшее в углу прямо напротив меня, вероятно, чтобы служанки или монахини могли оправить одежду. Я чуть сдвинулась и взгляделась в него, движимая простым любопытством – увидеть свое отражение.

И чуть не вскрикнула. Вместо моего лица, пусть и искаженного болезнью, я увидела... другую картину. Как в тумане, в глубине треснувшего стекла проступил образ. Девочка лет двенадцати, с румяными щеками и смеющимися глазами, в роскошном шелковом кимоно, бежала по солнечному саду. За ней гналась молодая, красивая женщина с такой же, как у нее, ямочкой на щеке. Они смеялись. Потом картина дрогнула, сменилась другой: та же девочка, но старше, бледная, лежащая в постели, с мокрым полотенцем на лбу. А потом... пустота. Снова раздался шепот, сообщая мне, что это было прошлое Осиэки. Ее счастливые воспоминания. Ее болезнь. Ее исход из этого мира. Не знаю как, но зеркало шептало мне, именно мне. И я отшатнулась, оглядываясь на остальных женщин в прачечной. Все, как и прежде, занимались своими делами. Никто ничего не видел и не слышал. А мое сердце бешено колотилось. И я окончательно убедилась, что слышать голоса предметов – странно даже для этого мира. Об этом нельзя никому рассказывать, пока я не разбе-

русь, в чем тут дело.

Но настоящая проверка моих сил ждала меня впереди. В трапезной. Фудзико, противная язвительная служанка, всегда искала повод уколоть меня. После того моего первого слова Киёми словно взяла надо мной шефство. Она старалась везде быть со мной, даже если занималась какими-то делами по хозяйству. Фудзико она больше меня не оставляла, но ее это как будто только злило сильнее. Обычно она просто шипела что-то мне в спину, пока Киёми отворачивалась. Но в тот день она была особенно зла. Возможно, ее отругали за что-то, а возможно, просто душа требовала выместить злость на том, кто не может ответить.

Когда Киёми отошла за добавкой похлебки, Фудзико наклонилась ко мне, и ее лицо исказила гадкая ухмылка.

– Ну что, наша принцесса, налопалась? – заявила она так, чтобы слышала только я. – Жрешь, а потом только гадишь, как животное. Надо бы тебя в стойле держать, а не за столом сажать с людьми. Одно имя твое – Бремя – говорит само за себя. На что ты годишься? Только воздухом зря дышишь.

Обычно я просто игнорировала ее, уходя в себя. Но в тот день что-то во мне взорвалось. Вся боль, весь страх, все унижение этих бесконечных дней, вся ярость за себя и за настоящую Осиэки, которую так же травили, хоть она этого и не понимала, выплеснулись наружу.

Дернувшись, я подняла голову. Мышцы шеи послушались, хоть и с трудом. И я посмотрела на Фудзико. Не пу-

стым взглядом убогой идиотки, а осознанным, и ее ухмылка мгновенно сползла с лица. Я все еще не была уверена, что смогу произнести что-то связное, но я попробовала кое-что другое. Медленно, с невероятным усилием, я подняла свою худую, почти прозрачную руку. Я не стала ей трясти или бить по столу – это выглядело бы как истерика. Я просто подняла ее и... указала на Фудзико пальцем. А затем повернула руку ладонью вниз и сделала несколько размашистых движений в воздухе, как бы сметая сор. Жест был совершенно однозначным: «Убирайся. Выметайся. Исчезни».

В трапезной воцарилась мертвая тишина. Все женщины, сидевшие за столом, замерли с поднесенными ко рту ложками. Фудзико побледнела, затем густо покраснела. На ее лице было не просто удивление. Это было потрясение, смешанное со страхом. Она ожидала всего чего угодно – мычания, слез, истерики – но не этого немого жеста презрения.

Она что-то пробормотала, отпрянула от стола и, споткнувшись, почти побежала прочь. Я же опустила руку. Она дрожала от напряжения. Да и внутри у меня все трепетало. Я сделала это. Я ответила ей. Я перестала быть бессловесной жертвой.

В этот момент я встретила взглядом с Киёми, которая стояла неподалеку с миской в руках и смотрела на меня. В ее глазах не было шока. Было что-то другое. Понимание? Даже... уважение? Она медленно кивнула, как будто что-то подтверждая для себя, и подошла, чтобы продолжить кор-

мать меня. Но на этот раз ее движения были еще более осторожными, почти почтительными. Словно сомневаясь, она поднесла мне ко рту очередную ложку похлёбки и выдохнула с облегчением, когда я послушно открыла рот.

4. Глаза черней обсидиана

На следующее утро я проснулась с ощущением тревоги. Вчерашний жест у всех на виду, этот немой вызов, брошенный Фудзико, был точкой невозврата. Теперь уже нельзя было и дальше притворяться слабоумной, прятаться за маской слабоумия. Фудзико, конечно, не смолчала после вчерашнего. Ну а слухи в таком месте расползаются быстрее пламени.

Я не ошиблась. После скудного завтрака, который Киёми, молча и с необычной почтительностью, принесла мне прямо в комнату, за ней в дверях возникла еще одна фигура – настоятельница обители Сёэн, точнее как её называли местные – сюдо-ин Сёэн. Но у меня от всех этих восточных терминов мысли путались, поэтому про себя я звала её просто настоятельница. Высокая и прямая, она была облачена в темно-серые, почти черные одежды из простого, но качественного полотна – не чета серым робам до пола, в которых ходили прочие монахини да и я сама. Из разговоров, которые я успела подслушать, мне было известно, что её одежда называется кэсамо: что-то вроде строгого многослойного кимоно, без какого-либо декора или узоров, но скрепленного шнуром из переплетенных темных нитей. Широкие рукава ниспадали почти до пола, скрывая руки, а плотно запахнутый ворот образовывал высокий треугольник у шеи. Вероятно я сама прежде носила нечто подобное. Точнее не я, а Осиэки.

Лицо Сёэн было подобно старой, потрескавшейся от времени резной маске – морщины легли четкими линиями, губы были плотно сжаты, а глаза – словно два кусочка обсидиана. Она уставилась на меня без всякого выражения, и Киёми, потупив взгляд, тут же ушла, оставив нас наедине. Сёэн медленно вошла в комнатушку, ее шаги были бесшумными, несмотря на трость из темного дерева, на которую она опиралась. Она остановилась в двух шагах от моей лежанки, и ее тяжелый взгляд пронзил меня насквозь.

Мне нечего было терять. Стратегия отрицания и притворства вчера завершилась. Я медленно приподнялась на локтях и затем села. Мышцы дрожали от непривычного напряжения, но я заставила их подчиниться. Я встретила ее взгляд – не вызывающе, но и не робко. Просто смотрела, признавая ее статус, но не отводя глаз.

– Предки разрешили тебе вернуться к нам, дитя? – голос Сёэн был низким. В нем не было ни гнева, ни удивления, лишь констатация факта.

Я сделала глубокий вдох, готовясь заговорить. Мой голос, когда я пыталась произносить что-то вслух наедине с собой, все еще звучал чужим, сиплым и неуверенным, но слова выходили уже четче.

– Я... не могу сказать, что вернулась, – произнесла я, выдерживая паузу, чтобы не сбиться. – Потому что не помню, чтобы была здесь прежде. Я... я просто однажды проснулась.

Я опустила взгляд на свои худые, бледные руки, беспо-

мощно лежащие на одеяле. Жест был наигранным, но выглядел, надеюсь, искренним.

– Я не знаю, кто я. Не помню своего имени. Не помню... ничего. Лишь обрывки снов, которые, возможно, никогда не существовали. Это тело... оно слабое. Я едва могу им управлять. Но я понимаю, что говорю. И я понимаю, где нахожусь.

Я снова подняла на нее глаза, вкладывая во взгляд всю свою растерянность и надежду.

– Мне сказали, что меня зовут Осиэки Кайдо. И что я... была не в себе. Теперь я хорошо себя чувствую. И я прошу... я прошу позволения учиться. Учиться жить заново. Ходить. Говорить правильно. Понимать этот мир. Я не хочу быть... бременем.

Последнее слово я произнесла чуть настойчивее, с легким вызовом. Пусть знает, что я в курсе, как ко мне здесь относятся. Настоятельница Сёэн не моргнула и глазом. Она изучала меня с безжалостной, отрешенной внимательностью ученого, рассматривающего редкий, незнакомый прежде вид насекомого.

– Исчезнувшая память, я слышала про такое, – произнесла она наконец. – Душа, потрясенная до самого основания, может отринуть свои прошлые раны. Возможно, это милость предков. Или же их испытание.

Она сделала шаг вперед, и ее трость глухо стукнула о каменный пол – и в этот момент это случилось. Пока мы разговаривали с Сёэн, я старалась не обращать внимания на

привычный уже шепот комнаты – унылое бормотание камней, скрип дерева. Но голос трости был иным. Он был старым, мудрым, пронизанным терпкой усталостью и... любопытством. Когда Сёэн сделала шаг, трость произнесла:

«Интересно. Давненько в наших стенах не бывало Слышащих. Приветствую тебя, детка. Хотя я и вижу, что ты не совсем откровенна с нашей сюдо-ин, ну да и ладно. Твои секреты – небольшая плата за то, чтобы наконец обрести себе-седника. Интересно...»

Голос был ясным, как колокольчик, и пронизывающим, словно игла. Он прозвучал прямо у меня в голове, и я отчетливо осознала, что трость обращается ко мне. Я замерла. Ледяная волна прокатилась по моей спине. Это был не просто шепот, не фоновая музыка мира. Это был прямой, осознанный, обращенный ко мне комментарий. От предмета. Который... который знал, что я вру.

Мой взгляд непроизвольно метнулся к трости, к набалдашнику, вырезанному в виде головы дракона с пустыми глазницами. Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Пауза затянулась. Затем я перевела ошеломленный взгляд на Сёэн.

Слышала ли она тоже?

Настоятельница в ответ смотрела на меня, и в ее обсидиановых глазах мелькнула тень вопроса, но больше она никак не отреагировала. Пауза неприлично затягивалась.

Кажется, трость обратилась только ко мне.

Мой разум лихорадочно заработал. Почему-то я была уверена, что не должна этого выдавать. Ни за что. Если эта способность – не норма в этом мире, если это что-то из ряда вон выходящее, меня точно сожгут. Нужно было срочно найти объяснение моему ошеломлению.

– Я... – Я сглотнула, с трудом удерживая взгляд на лице настоятельницы, стараясь не косить на трость. – Простите, я задумалась. Резьба на вашей трости... она такая... живая. Она напомнила мне... – Я замолчала, делая вид, что ловлю ускользающее воспоминание, и позволила голосу дрогнуть, зазвучать растерянно и слабо. – Обрывок сна. Только и всего. Не обращайтесь внимания.

Я отвела глаза, изобразив смущение. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Я чувствовала на себе любопытный взгляд Сёэн. Чувствовала и тихое, едва уловимое довольное хихиканье трости у меня в голове.

«Придумала, как выкрутиться, молодец. Дрожишь, но держишься. Интересно...»

Сёэн, наконец, кивнула.

– Дерево имеет свою душу, – произнесла она, и было невозможно понять, верит ли она моему объяснению или просто делает скидку на мое «состояние». – Много столетий назад резчику из обителю Сюнран удалось поймать часть ее. Он был великим мастером. – Она помолчала еще мгновение, а затем снова перевела разговор в прежнее русло. – Твое желание учиться и вновь познавать жизнь похвально. Ты бу-

дешь заниматься с Киёми. Она научит тебя всему необходимому. Продемонстрируешь усердие и крепкое здоровье – и я разрешу посещать нашу небольшую библиотеку. Понятно?

– Благодарю, – выдохнула я, с облегчением ощущая, что кризис миновал. – Благодарю вас. За... второй шанс.

Она еще раз окинула меня своим пытливым взглядом, развернулась и вышла, снова бесшумно ступая, а ее трость отстукивала по камню четкий, размеренный ритм. Я рухнула на подушки, обессиленная, дрожащая от перенесенного напряжения.

Трость. Она слышала меня и отвечала мне. И она знала, что я вру. Мир, в который я попала, оказался еще сложнее и опаснее, чем я могла предположить. Моя тайна пока была моим уязвимым местом, но при этом, возможно, и ценным козырем. Но играть с такими картами нужно было с величайшей осторожностью. Один неверный шаг, одно неловкое слово, обращенное не к тому, и все будет кончено. Но вместе со страхом во мне зашевелилось и любопытство.

Этот гул, этот шепот, который я слышала с самого пробуждения – не плод моего больного воображения? Если трость, а до этого зеркало могли со мной говорить... то что еще имеет здесь свои глаза и уши? Пока что это был лишь белый шум. Но что, если его можно превратить в источник силы? В источник информации?

Я посмотрела на дверь, за которой скрылась настоящая Сёэн. Кажется, она что-то подозревала, но пока что не

стала задавать вопросов. Мне следовало использовать этот шанс и учиться, узнать все об этом мире, его законах, его вере, его магии. Чтобы понять, кто я теперь, и чтобы больше никогда не дрожать от страха перед старой деревянной палкой.

5. Уроки под старым клёном

Те дни, что последовали за визитом Сёэн, стали для меня временем странного и напряженного затишья. Теперь мне не нужно было прятаться, тайком шевелить пальцами под одеялом или корчить рожицы в пустоту. Я могла открыто, при свете дня заново учиться быть человеком.

Мои будни превратились в череду непрерывных тренировок. Утро начиналось с попыток самостоятельно подняться с лежака. Сначала я просто сидела, свесив ноги, чувствуя, как голова кружится от непривычки. Потом, опираясь на стену, я делала первые шаги по комнате. Ноги были ватными, подкашивались, но Киёми была всегда рядом. Она не жалела меня, не пыталась усадить обратно, а лишь подставляла свое крепкое плечо, когда я вот-вот готова была рухнуть. Ее молчаливая поддержка значила для меня больше любых слов.

– Медленнее, госпожа, – тихо говорила она, когда я слишком торопилась. – Дерево растет годами, а ломается в одно мгновение. Ваше тело – то же дерево. Дайте ему окрепнуть.

И я слушалась. Я училась ходить. Каждый шаг был маленькой победой. Каждое утро я могла пройти чуть больше, чем вчера. С едой была та же история. Киёми приносила простую пищу – вареный рис, тушеные овощи, похлебку – и ставила миску передо мной. Взять ложку, а чуть позже и палочки – хаши – оказалось невероятно сложно. Мои пальцы отка-

зывались складываться в нужную позицию, дрожали, и зерна риса разлетались по столу. Я злилась, мне хотелось швырнуть эти проклятые палочки в стену, но я сжимала зубы и пыталась снова. И снова. Пока однажды не поднесла первый комочек риса ко рту самостоятельно. Он показался мне вкуснее любого пиршества из прошлой жизни.

Но самым главным подарком стали не движения, а знания. Киёми, видя мое рвение, стала моим гидом в этом новом мире. Она проводила долгие часы, читая мне вслух древние свитки и летописи, которые брала из скромной монастырской библиотеки. Сидя у меня в комнате или в тени старого клена в саду, она размеренным голосом раскрывала передо мной карту моего нового существования.

Наша страна называлась Акицусима – «Драконья Спина». Огромный, изрезанный горными хребтами и густыми лесами, остров был разделен на уделы, управляемые даймё – военными правителями, которые присягали на верность Императору, восседающему в столице, городе Кёсэй, что означало «Столица Зеркального Отражения». Политика была сложной паутиной союзов и вражды. Кланов вращались вокруг трона, как планеты вокруг солнца, постоянно борясь за влияние, земли и торговые пути. Наконец я услышала и о своей семье – о клане Кайдо, «Цветок прибоя».

– Кайдо-син, – говорила Киёми с подобострастием, которого я прежде у нее не слышала, – один из самых древних и влиятельных кланов. Их земли на восточном побережье

богаты рыбой и портами. Их флот – самый мощный в Акикусиме. Говорят, сам Император советуется с главой клана Кайдо в вопросах морской торговли и обороны.

Но за могущество приходилось платить. У Кайдо был могущественный и коварный соперник – клан Сирайо, «Горная Ночь», контролировавший западные горные провинции, богатые рудниками. Их вражда была давней и кровавой, тихой холодной войной, которая временами вспыхивала открытыми стычками на границах уделов.

Другие кланы не были столь долговечны и могущественны. Они поднимались, порой удостаиваясь внимания Императора, и опадали в прибрежную пыль.

– А еще, – понижая голос, как бы сообщая большую тайну, добавляла Киёми, – есть Курокава-син, правитель пограничных земель на севере. Говорят, он человек суровый, непокорный. Ему принадлежит небольшой удел, лишь полоска вдоль берега, который выходит к материку. Но это дикие земли, постоянно подвергающиеся набегам варваров с материка. Императорский двор смотрит на него с подозрением. Говорят, он слишком самостоятелен и не спешит выполнять каждую прихоть из Кёсэя.

Я слушала, и кусочки мозаики складывались в тревожную картину. Выздоровев, я стану пешкой в большой игре. Мысль заставляла меня с еще большим рвением заниматься физическими упражнениями. Мне нужно было стать сильной. Сильной настолько, чтобы иметь право голоса в своей

судьбе, и из пешки превратиться в королеву, если уж продолжать шахматную терминологию.

Так проходили дни. Я уже могла пройти по коридору без поддержки, пусть и медленно, держась за стену. Я ела почти аккуратно. Моя речь становилась все четче, хотя легкая хрипотца и медлительность оставались. Впрочем, это было мне только на руку – всегда оставалась возможность подумать, прежде чем говорить.

Однажды вечером, когда я, уставшая после долгой прогулки по саду, сидела на своей лежанке и массировала ноющие мышцы ног, дверь без стука открылась. На пороге снова стояла сюдо-ин Сёэн. На этот раз визит не был неожиданным – ее трость простучала по каменному полу еще в коридоре, предупреждая о приближении.

«Привет, детка! Давно не виделись».

Настоятельница вошла, ее темное кэсамо сливалось с сумерками, наполнявшими комнату. В руках она держала нечто, завернутое в кусок шелка.

– Я слышала, ты делаешь успехи, дитя, – произнесла она своим глуховатым голосом. Ее обсидиановые глаза внимательно скользнули по мне, отмечая изменения в осанке, в выражении лица. – Твое усердие достойно похвалы. И потому я принесла тебе дар. Не как сюдо-ин, а как женщина.

Она развернула шелк. На ее ладони лежал гребень невероятной красоты. Он был вырезан из темного сандалового дерева, инкрустирован перламутром, образующим изящный

узор из цветущей сливы, и выглядел древним, дорогим и совершенно неуместным в этой аскетичной келье.

– Это всего лишь безделушка, – сказала Сёэн, протягивая его мне. – Но она напомнит тебе, что ты все еще жива, какой бы путь тебе ни уготовили предки.

Я осторожно, почти с благоговением, взяла гребень. Дерево было теплым на ощупь, будто живым. И в тот же миг, как мои пальцы сомкнулись на нем, я услышала голос – в этот раз женский, полный неизбывной грусти.

«О, наконец-то, Слышащая. Руки, которые не грубы от работы! И какая интересная душа... вся в разводах, как шёлк, замоченный в чернилах. Приветствую тебя, дитя иных миров».

Я ахнула и выронила гребень. Он с глухим стуком упал на пол. Ледяной ужас сковал меня. Это была ловушка. Сёэн все знала. Она подозревала и специально принесла этот говорящий гребень, чтобы проверить меня.

Я подняла глаза на Сёэн. Ее лицо оставалось непроницаемым, но в глубине черных глаз я увидела не гнев, не осуждение, а... удовлетворение. Тихое подтверждение догадки.

– Что... что это? – прошептала я, не в силах снова смотреть на гребень, который теперь лежал между нами, как обвинение.

– Милая безделушка, да? – невозмутимо ответила Сёэн. – Он помогал укладывать волосы многим поколениям женщин. В нем живет... память. О радостях. О печалях. – Она

сделала паузу, давая мне понять, что я не ошиблась в его природе. – Некоторые вещи, Осиэки, обладают душой. И некоторые люди... обладают даром их слышать. Редкий дар. И очень опасный.

Она не спросила: «Ты слышала его?» Она констатировала факт. Мой испуг был для нее достаточным ответом достаточным. Я сидела, молча, ожидая продолжения. Что следует дальше? Обвинение? Наказание?

Но Сёэн лишь наклонилась, подняла гребень и снова протянула его мне.

– Дар слышать – это не грех, дитя. Храни его. И помни: стены имеют уши. А старые вещи... имеют языки. Будь осторожна в своих вопросах. И в своих ответах.

6. Правда трости и гребня

Мое сердце колотилось, как птица в клетке, ударяясь о ребра. Я сидела на жесткой лежанке, сжимая в ладонях древний гребень. Теперь Сёэн знала мою тайну. Чего мне ожидать дальше? Что настоятельнице было нужно? Ответа у меня не имелось – только посмеивался сандаловый гребень у меня в голове. Его тихий, но отчетливый шепоток сливался с гулом крови у меня в ушах.

«Не бойся, дитя, старуха не причинит тебе зла. Любопытство для нее куда важнее страха. А ты такая интересная. Давненько эта обитель не принимала у себя в стенах Слышащих».

В этот раз голосу гребня вторило ворчливое брюзжание трости:

«Не говори, сестра. Опять началось. Это старая черепаха снова будет мудрствовать. А мы тут, как дураки, торчать обязаны».

Сёэн же, словно не слыша оскорблений в свой адрес, замерла посреди комнаты. Ее темное кэсамо поглощало скудный сумеречный свет, льющийся из окна, а взгляд упал на гребень, который я инстинктивно прижала к груди.

– Последние дни выдались беспокойными для тебя, не правда ли, – произнесла она, и это был не вопрос, а утверждение. При этом в голосе ее не было слышно упрека. – Го-

лоса ками бывают навязчивыми собеседниками. Особенно поначалу.

Я молча кивнула, не в силах вымолвить и слова. Страх и любопытство боролись во мне, но победило последнее:

– Ками? – переспросила я.

– Мир, в котором ты проснулась, дитя, не таков, каким кажется на первый взгляд, – начала она, медленно прохаживаясь по комнате. Ее трость легонько щелкнула по полу.

«О, начинается лекция для новеньких. Сколько я таких слышал за свое существование. А ты не отвлекайся, внимай с почтением, детка».

– Давным-давно, – продолжала Сёэн, игнорируя (или не слыша?) комментарии своей палки, – мир был полон ками. Духи рек и гор, деревьев и камней, ветра и пламени. Они были везде, и их голоса составляли великую симфонию бытия. Люди умели слышать их, договариваться с ними, жить в гармонии.

Она остановилась у окна, глядя на клен в саду.

– Но времена изменились. Люди стали шумнее. Их города, их войны, их жадность заглушили тихие голоса природы. Ками стали уходить в небытие, слабеть, засыпать. Те, что остались, ищут прибежища. Они вплетают свою сущность в предметы, с которыми были связаны прежде. В меч воина, в гончарный круг мастера, в зеркало красавицы... или в гребень, – ее взгляд скользнул по моим рукам. – Эти предметы становятся сосудами, ками-артефактами, хранящими по-

следние искры уходящих духов.

«Последние искры, как бы не так! – ехидно фыркнула трость. – Уж тебя-то я точно переживу, старая ты развалина. И детей твоих пережил бы, кабы они имелись у монашки».

– Сила, заключенная в таких артефактах, огромна, – голос Сёэн стал жестче. – Но не безгранична. И она... особенная. Гребень может хранить память о красоте и дарить ее ныне живущим. Трость может наделять мудростью и устойчивостью своего владельца. А старый меч может жаждать крови и битвы. Каждый ками несет в себе свое умение, свою суть, свои желания.

Трость снова фыркнула.

«Если ты про наш старый меч, то все, чего он желает, это чтоб его натерли сандаловым маслом!»

Гребень тоненько захихикал... точнее, захихикала.

«Ох, братец, ты шутник, как и раньше. За то я и люблю наши нечастые встречи. А ты, дитя других миров, слушай старуху, да не принимай все ее слова на веру. Все так, как она говорит, да не совсем так».

С каждой репликой предметов, точнее ками, в них живущих, я все больше убеждалась, что слышу их ехидные замечания только я одна.

Сёэн повернулась ко мне, и ее черные глаза приковали меня к месту. Она продолжила, не замечая, что я прислушиваясь не только к ней:

– Обладать таким ками-артефактом – значит обладать ве-

ликой силой. Поэтому за ними охотятся. Глупцы коллекционируют. Труссы уничтожают. Но обладать – это одно. А вот Слышать... Слышать – это все равно что иметь ключ, который отпирает саму душу ками. Это дар, который не купишь и не отнимешь.

Настоятельница сделала паузу, давая мне осознать вес ее слов, и я улучила момент, чтобы спросить:

– А вы, суюдо-ин? Вы слышите?

– Да, дитя, я тоже Слышащая, – вздохнула она, и это прозвучало грустно. – Но мой дар слаб. Я ощущаю их присутствие, слышу далекий гул, как шум моря в раковине. Я знаю, что эта комната полна голосов, что сад за окном поет свою песню. Но я не могу различить слов. Для меня это – хаос. Красивый, но бессмысленный.

«Привирает, старая лисица!» – проворчала трость. – «Ничего она не знает, ни про песню, ни про сад. Все, на что хватает её силенок – это понять, есть ли рядом с ней ками. Хотя порой мне кажется, она просто притворяется мне назло – особенно, когда твержу ей, что пора бы уже дать мне отдохнуть, а она все таскается по этим холодным коридорам!»

Я невольно улыбнулась этому комментарию, но сразу же спрятала улыбку, встретившись с взглядом Сёэн. Она, казалось, ничего не заметила.

– Наша обитель, Сэйан-дзи, – продолжила она, – это не просто приют спокойствия и тишины. Это хранилище. Убежище. Сюда ловцы клана Кайдо свозят ками-артефакты, ко-

которые слишком опасны, чтобы оставаться в миру, или слишком ценны, чтобы стать разменной монетой в играх сильных мира сего. Но мы не прячем их в подземельях, как золото. Мы вплетаем их в повседневность, даем им жить. Обитатели Сэйан-дзи – не Слышащие, они не могут отличить ками-артефакты от простых вещей. Чаша, из которой они пьют, может помнить вкус воды из священного источника. Пол, по которому они ходят, может хранить молитвы тысяч паломников. Так что ками здесь повсюду. Они – часть этого места.

– Но... почему вы доверяете мне это? – выдохнула я наконец, не в силах больше сдерживаться. – Вы же видите, я почти ничего не помню, не знаю с тех пор, как очнулась.

– Именно поэтому и доверяю, дитя, – ее губы тронуло подобие улыбки. – Ты вне всех игр. Пока что. Но твой дар, Осиэки... твой дар силен. Ты не просто слышишь гул. Я вижу, что ты различаешь слова. А значит, рано или поздно, ты научишься и отвечать.

От этих слов по моей спине пробежал ледяной холод.

– Отвечать?

– Сильнейшие из Слышащих, – голос Сёэн стал тихим, почти шепотом, – не просто слушают ками. Они ведут с ними диалог. Они принимают их силу. Их помощь. Но за все надо платить. Ками не бескорыстны. У них есть свои желания, свои цели. Помогая тебе, они будут ожидать чего-то взамен. Исполнения своей воли. И вот тогда, дитя, ты перестанешь быть хозяйкой своей судьбы. Ты станешь... проводни-

ком. Орудием. И сильные мира сего – Император, даймё, главы кланов – захотят поставить этот дар себе на службу. Они будут соблазнять, покупать, угрожать. Они превратят тебя в самую ценную вещь в своей коллекции.

«Ну все как всегда, выставила всех ками коварными монстрами!» – весело вставила трость.

Гребень возразил...а:

«Но в чем-то старуха права, дитя иных миров. Стоит тебе раскрыться, и тебя заставят танцевать под чужую дудку до конца дней. Если, конечно, ты не поумнеешь вовремя, пока есть возможность»

– Вы хотите сказать, что мне нужно скрывать это? Всегда? – спросила я сразу всех – и у сюдо-ин, и у ками.

– Нужно учиться не демонстрировать так явно, – поправила Сёэн. – Сейчас твой дар – как крик младенца. Его слышно издалека. Тебе нужно научиться шептать. А еще лучше – молчать, когда это необходимо. Истинная сила не в том, чтобы демонстрировать ее, а в том, чтобы ею верно распоряжаться.

7. Летящие вдаль журавли

Слова Сёэн многое прояснили. Раньше я старалась не думать, что вероятно мне досталось тело сумасшедшей. Но теперь, сквозь огромное облегчение, пробивалось новое чувство – острое, жгучее любопытство. Если эта обитель была хранилищем ками, если каждый предмет здесь был потенциальным собеседником, то я оказалась не в тюрьме. Я жила в настоящей сокровищнице. И у меня было достаточно времени, чтобы научиться пользоваться ее богатствами.

Мой взгляд на обитель перевернулся в одно мгновение. Теперь я ходила по коридорам не по стенке и с опущенной головой, а с широко раскрытыми глазами, пытаюсь опознать живые артефакты и «услышать» их взглядом. И мир заиграл новыми красками. Вернее, голосами.

Старая соломенная метла, всегда стоявшая в углу у трапезной, оказалась ками и притом жутко неприветливым, она тихо и однообразно бубнила о пыли, которую она сметала десятилетиями. А вот глиняная кружка на столе наоборот любезно приветствовала меня и посетовала, что травяной настой сегодня недостаточно крепок. Шепот, который я непрерывно слышала раньше, распался на отдельные голоса, и я постепенно училась определять от чего – точнее от кого, они исходят. Хотя отвечать мне удавалось нечасто. В обители было немало людей, и меня постоянно кто-то сопровождал. Так

что, помня предупреждение настоятельницы, я не могла себе позволить поболтать с кружкой.

Одной из тех, кто постоянно попадался мне по пути – как я вскоре догадалась, неслучайно – была молодая послушница по имени Рэн. Ей было лет шестнадцать, любопытные глаза на ее круглом добром лице постоянно высматривали меня в коридорах обители. В отличие от других, кто сторонился «исцелившейся убогой», Рэн, казалось, испытывала ко мне неподдельное, почти детское любопытство. Она часто старалась подсесть ко мне поближе, а однажды, когда Киёми отлучилась, прошептала:

– Вы так изменились, госпожа! Это правда, что к вам вернулся разум? И вы снова такая же, как прежде? Вот же чудо!

Ее голос был полон искреннего восторга, без тени страха или высокомерия. Я попыталась улыбнуться в ответ, но получилась лишь неуклюжая гримаса. Выражения лица все еще давались с трудом, особенно когда я нервничала.

– Я не помню, какой была прежде, – честно призналась я.

– О, я тоже этого не знаю. Когда вас сюда привезли, вы уже были тихой и печальной, – живо откликнулась Рэн. – Я иногда приносила вам цветы с горных склонов. Вы на них смотрели, но, кажется, даже не видели.

В ее словах была такая наивная доброта, что у меня впервые за все это время к горлу подкатил комок не от страха, а от благодарности. Кто-то здесь раньше относился к убогой Осиэки как к человеку, а не к пустому месту.

С того разговора мы иногда пересекались с Рэн то там, то здесь, а иногда она вместе с Киёми сопровождала меня в моих прогулках по различным помещениям обители. Я делала вид, что тренирую тело и заново исследую Сэян-дзи, но на самом деле мне хотелось увидеть как можно больше kami-артефактов. И действительно – живые предметы постоянно встречались мне в самых различных комнатах.

В комнате для медитаций я обнаружила меч, висящий на стене прямо в ножнах, и подошла поближе, что рассмотреть его получше. Вернее, то, что от него осталось. Он висел в самом темном углу, весь в паутине, с потускневшей рукоятью и ржавым клинком. От него исходило не звучание, а ощущение – непоротливое и ленивое. Когда я приблизилась, мне даже показалось, что я чувствую запах старой крови и пыли.

«Убирайся, девчонка, я прекрасно знаю, кто ты такая, но не намерен с тобой общаться», – пророкотал он, и его «голос» был похож на скрежет камня по камню. – «Заняться что ли больше нечем. Только спать мешаешь».

И он умолк, погрузившись обратно в свой тяжелый, безразличный сон. Это был не добрый и не злой kami. Просто уставший. И от этого – еще более жуткий. Я не стала ему отвечать – зачем говорить с тем, кто не желает этого. Да и Киёми не отходила от меня ни на шаг в тот день.

Kami попадались мне во всех помещениях обители, иногда даже в коридорах, но больше всего я встретила их в небольшой библиотеке обители. Видимо сюда сносили все,

что нельзя было использовать в хозяйстве. Например, на одной из полок обнаружился длинный, узкий футляр. От него исходила легкая, почти невесомая мелодия – не шепот, а именно тихая, печальная песня, похожая на перебор струн или свист ветра в расщелине. Я прикоснулась к футляру, и музыка стихла, сменившись настороженным, но не враждебным вниманием.

«А? Кто там?»

Я открыла футляр и увидела внутри бамбуковую флейту.

«О, это ты, Слышащая. До меня уже доходили вести о твоём появлении среди нас, приятно познакомиться!»

Голос был молодым, воздушным, с ноткой ленивой заинтересованности.

– И я тебя приветствую, – прошептала я, озираясь, чтобы убедиться, что мы одни. – Что это была за песня?

«О, это? – ками как будто смутился. – Что-то вроде воспоминания. Мой последний хозяин был чудесным музыкантом. Он играл так, что плакали камни. А потом он умер. С тех пор мне скучно».

В его словах прозвучала неподдельная грусть. Я почувствовала странную связь с этим ками. В моей прошлой жизни музыка была всем, и я тоже по ней скучала.

– Я тоже... я играла, – сказала я, и голос мой дрогнул.

«Знаю. Слышу отголоски в тебе. Как эхо. Когда-нибудь, может, возьмёшь в руки эту флейту, что является моимместилищем?»

Это было первое существо в этом мире, которое обратилось ко мне не с насмешкой или предупреждением, а с просьбой и с надеждой.

Но самый важный разговор состоялся там же в библиотеке, но несколькими днями позже. Между свитками, которые я перебирала, оказался заложен старый веер. Не складной, а круглый, из потемневшей слоновой кости и потускневшего шелка, на котором угадывались следы некогда прекрасной росписи – летящие вдаль журавли.

Когда я взяла его в руки, то сразу осознала, что не просто вещь, а ками-артефакт. Но заговорил он не сразу. Его голос был старым, немного скрипучим, но при этом полным бесконечной мудрости и знания.

«Приветствую Слышащую, что ищет себя. Я вижу смятение в твоей душе и знаю его причину».

Я замерла. Он видел меня насквозь.

– Правда? И какова же эта причина?

«Ты носишь чужое имя, а значит примеряешь на себя чужую судьбу».

– Осиэки... Бремя... – прошептала я. – Да, ты прав. Я не хочу им быть.

«И не должна. Имя – это не просто звук. Тот, кто назвал тебя так, наложил на тебя печать. Чтобы стать свободной, нужно сначала сбросить ярмо».

– Как? – в голосе моем прозвучала мольба.

«Ты не знаешь? – Ками, казалось, удивился. – Ах да, ты

дителя других миров... Ну что ж, я расскажу тебе и ничего не попрошу взамен. Слушай же. Есть старый ритуал, простой, но требующий смелости. Нужно объявить миру о своем отречении от старого имени и принять новое, причем сделать это требуется перед лицом свидетелей. Тех, с кем ты преломляешь хлеб. Но будь осторожна. Для людей вокруг это будет не просто смена имени. Это будет бунт. Ты готова к последствиям?»

Я посмотрела на веер. На летящих журавлей, рвущихся в небо. Я вспомнила слова гребня Сёэн о том, что меня «заставят танцевать под чужую дудку». Рано или поздно мне придется вернуться к семье, и если я сейчас не найду в себе смелости, то там, на воле, у меня не будет шанса.

Решение созрело мгновенно.

На следующее утро, когда Киёми привела меня в трапезную, я почувствовала, как на меня устремляются взгляды. Разговоры смолкли, словно послушницы и служанки что-то предчувствовали. Я шла к своему месту, ощущая, как подкашиваются ноги, но заставила себя идти ровно. Сердце колотилось где-то в горле.

Когда все уселись, и трапеза началась, я отложила палочки и медленно поднялась на ноги, привлекая к себе внимание.

– Я хочу обратиться ко всем, кто живёт под сенью обители Сэйан-дзи, – сказала я, и мой голос, еще слабый, но четкий, прозвучал под сводами зала. Все посмотрели на меня с изумлением. Киёми замерла с поднесенной ко рту ложкой

похлебки, ее глаза были полны тревоги.

– Все здесь знают, что меня зовут Осиэки из клана Кайдо. И это имя было правдой. После перенесенной болезни я много лет была пустым местом. Тенью. – Я сделала паузу, собираясь с духом. – Но предки даровали мне милость родиться заново в этих стенах. И я больше не хочу нести имя, которое означает «Бремя».

По трапезной прошел шепот удивления. Кто-то ахнул.

– Сегодня я вспоминаю древний ритуал имяотресания, беру вас в свидетели – вас, тех с кем я преломляю хлеб, и говорю, что отказываюсь от имени Осиэки! – я вынуждена была повысить голос, чтобы перекрыть нарастающий гул. – Оно больше не имеет надо мной власти!

Я закрыла глаза на мгновение, вспоминая совет веера и то единственное слово, что родилось у меня в душе как символ надежды и того, чего мне так не хватало.

– Отныне я буду зваться Юмэ Кайдо! – я почти выкрикнула свое новое имя, и оно прозвучало как обещание самой себе. Мечта. Юмэ.

Тишина, последовавшая за моим заявлением, была густой и тяжелой. Но она длилась всего мгновение, а затем взорвалась шепотом, похожим на шипение раскаленного железа, опущенного в воду. Я видела, как побледнела даже привычная ко всему Киёми, а Рэн смотрела на меня с восхищенным ужасом.

Меня не остановили. Не осудили вслух. Но атмосфера во-

круг изменилась мгновенно. Взгляды, которые раньше были полны жалости, брезгливости или безразличия, теперь несли в себе смесь страха, неодобрения и... любопытства. Отречение от имени было актом неслыханной дерзости. Я бросила вызов не только своей семье, но и самому порядку вещей, в котором имя определяло судьбу.

Ками предупредил меня, что так будет. Имя давалось при рождении с согласия главы клана и менялось лишь в крайних случаях. Самостоятельно отказаться от имени и выбрать новое – было невысказано.

Я стояла, чувствуя, как дрожь пробегает по моим ногам, но не садилась. Я смотрела на них, на этих женщин, в чьем мире я оказалась, и впервые за все время чувствовала не страх перед будущим, а головокружительное чувство свободы. Я больше не была Бременем. Я была Мечтой. Юмэ. И каким бы коротким ни было мое оставшееся время здесь, я проживу его как личность. И пусть они смотрят с ужасом. Пусть даже сама Сёэн осудит меня, посчитав это безрассудством. Зато голоса камы вокруг меня в этот миг звучали не как слившийся воедино хаос, а как тихий, одобрительный хор.

8. Голос долга и скорби

Реакция настоятельницы Сёэн на мою дерзость не заставила себя долго ждать. Она появилась на пороге моей комнаты тем же вечером. Ее лицо было непроницаемой маской, но в глазах я прочитала не гнев, а нечто более сложное – досаду? Признание? Она не сказала ни слова, лишь кивком велела мне следовать за собой.

Мы оказались в ее кабинете – комнате, заставленной свитками и пахнущей древней пылью и воском. Она не предложила мне сесть, и я стояла, чувствуя, как подкашиваются ноги от нарастающего напряжения.

– Мечта, – произнесла она наконец, и слово «Юмэ», произнесенное ей, звучало как приговор. – Красивое имя. Но опасное. Мечты имеют свойство разбиваться о суровую реальность.

– Я предпочту разбиться, чем всю жизнь быть Бременем, – выпалила я, дрожа от смеси страха и решимости.

– Это твой выбор, – холодно ответила она. – Но у меня, как у сюдо-ин этой обители, возможности выбора нет. Ты – дочь клана Кайдо. Твое исцеление, твое... преобразование... Все это является событием, о котором я обязана известить твою семью.

Я знала, что рано или поздно это произойдет, но слышать это вслух было все равно что получить удар в грудь.

– Нет! – вырвалось у меня. – Вы же сами знаете... они меня сюда все равно, что сослали! Им нет до меня дела!

– Им есть дело, поверь. Прежде ты была позором, который приходилось скрывать. Теперь ты стала ценностью, которую можно использовать. Твое исцеление – это дар предков в их глазах. Дар, который можно выгодно обменять. Брак, политический союз... твоё тело теперь снова имеет значение.

Сёэн вздохнула, и впервые за весь разговор я увидела на ее лице тень усталости, настоящей, человеческой усталости.

– Я испытываю к тебе привязанность, дитя, – сказала она неожиданно мягко. – Видеть, как душа, считавшаяся потерянной, возвращается к жизни... это редкая милость предков. И я бы хотела оставить тебя здесь, научить тебя всему, что знаю сама, хоть это и капля в море.

Мое сердце на мгновение воспряло надеждой. Здесь, в этом странном, тихом месте, среди говорящих вещей, я чувствовала себя... не дома, но в безопасности.

– Но я не могу, – ее голос снова стал твердым и безжалостным. – Я настоятельница этой обители, находящейся на землях клана Кайдо, но я также подчиняюсь законам и договорам. Ты – дочь клана Кайдо. Твое исцеление – это не личное дело. Это событие чуть ли не государственной важности. Я была обязана послать весть твоей семье сразу же, как ты заговорила. И я это сделала.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Что... что это значит?

– Это значит, – Сёэн смотрела на меня с нескрываемой жалостью, – что очень скоро, возможно, через несколько дней, за тобой придут. Тебя заберут из Сэян-дзи и отвезут домой, в поместье Кайдо. Обратно в тот мир, из которого ты когда-то ушла.

«Вот тебе и раз» – крикнула трость, что стояла, прислоненной к стене в углу. – «А я и не знал. И когда тогда успела, старая лисица? Из тихой гавани прямиком в пасть к акулам. Удачи тебе, дитя иных миров. Тебе понадобится вся твоя хитрость и изворотливость».

Я не могла дышать. Мысли путались. Домой? К тем людям, которые сдали свою дочь в монастырь, как ненужную вещь? К интригам, к врагам, к жизни, в которой я буду всего лишь пешкой?

– Я не хочу! – пролепетала я, и голос сорвался на детский, испуганный визг. – Я не помню их! Они мне чужие! Я хочу остаться здесь!

Сёэн покачала головой, и в этом движении была неумолимость.

– Пойми, у тебя нет выбора, дитя. Никто из нас не волен выбирать свою судьбу. Мы можем лишь выбирать, как ее принять. Запомни все, что я говорила тебе раньше. Твой дар – твое единственное истинное оружие и твоя самая большая уязвимость. Раньше у Осиэку Кайдо не было способностей говорить с ками. Так что я смогла умолчать об этом, если твой клан узнает об этом – то не от меня. Спрячь его. Окру-

жи себя тишиной. И будь готова ко всему.

Сёэн отвернулась, давая понять, что разговор окончен, и мне можно покинуть её кабинет. Но я не могла пошевелиться, стояла, парализованная, пока ее трость не произнесла с сочувствием:

«Ну что, Мечта, попробуй теперь улететь отсюда. Клетка-то уже захлопывается».

Я не помнила, как оказалась в саду. Солнце уже зашло, но птицы еще радостно пели свои вечерние песни. А для меня мир погрузился во мрак – в прямом и переносном смысле. Все мои попытки стать сильнее, все эти шаги, палочки для еды, новое имя... какая разница? Все это было лишь подготовкой к переходу из одной тюрьмы в другую, более изощренную.

Не знаю, сколько я сидела в этом садике. Меня никто не тревожил до тех пор, пока ко мне не подкралась Рэн.

– Юмэ-син? Что случилось, на вас лица нет...

– Сюдо-ин сообщила мне, что скоро за мной приедут из дома, и я покину обитель.

– О, правда? Вас забирают обратно?

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить слово.

– Но... но это же ужасно! – она понизила голос до испуганного шепота. – Простите меня, госпожа, я не хочу вас обидеть, но... все же знают, каков клан Кайдо! Они как пауки, плетущие свои сети! Вас выдадут замуж за какого-нибудь старого даймё ради союза!

Ее слова лишь усугубили мою панику. Рэн подтвердила самые страшные опасения.

– Я не могу этого допустить, – прошептала я, сжимая кулаки. – Я не поеду.

– Но что вы можете сделать? – в глазах Рэн загорелся огонек азарта, смешанного со страхом. Она была молодой и, видимо, жаждала приключений, которых в монастыре было не сыскать.

Мысль созрела мгновенно, ясная и безумная.

– Мне нужно сбежать. До того, как они приедут.

Рэн ахнула, прикрыв рот ладонью.

– Но... но как? Обитель охраняется! На стенах стражники – я знаю, хоть они и не допускаются внутрь. Да и ворота запираются на ночь! И если вам все же удастся покинуть стены Сэйан-дзи, куда вы пойдете? Вокруг горы, дикие звери!

Я долго молчала. У меня были козырь – моё умение общаться с ками-артефактами, но, конечно, я не собиралась в этом признаваться Рэн. Хоть она и относилась ко мне неплохо, но она была местной, и кто знает, как далеко простиралась её снисходительность. Мне нужно улучшить момент и посоветоваться с тростью Сёэн – если мне не показалось, то она как будто бы намекала на побег в кабинете своей хозяйки. Вдруг она сможет подсказать мне какую-то возможность, которая не приходила мне в голову. Но до тех пор стоит начать подготовку и заручиться поддержкой Рэн.

– Я пока не знаю, но я придумаю, – сказала я вслух. – Но

нужно все хорошенько обсудить. Знаешь ли ты по какому расписанию сменяются стражи в ворот?

Рэн знала.

– Если бы я могла переодеться и притвориться, что я одна из послушниц или служанок в обители... – начала рассуждать я вслух. – Зачем служанки обычно выходят наружу?

– О, я например часто хожу собирать травы, – улыбнулась Рэн. – У ведь состою помощницей при нашей лекарке. Мои руки не так умелы в вправлении вывихов, но я знаю, в какой срок нужно собирать разные травы, чтобы они сохраняли свои целебные свойства. Матушка меня научила.

– Да, это хорошая идея, спасибо, Рэн, – подбодрила я девушку. – Я могла бы выйти среди ночи, чтобы меня не заметили другие послушницы, объяснив стражникам, что мне нужно непременно собрать ночные травы...

Рэн слушала, затаив дыхание, ее глаза горели.

– Это и впрямь хорошая идея! И я могу пойти с вами – я знаю одну горную тропу, и провожу вас к ней, госпожа Юмэ! Она крутая, но она ведет в долину, к дороге на север! А затем потихоньку вернусь обратно, когда караул стражников сменится.

Север – это хорошо. Прочь от владений Кайдо, которые были на востоке. К владениям того самого Курокавы, непокорного правителя, о котором читала как-то раз Киёми. Мысли о нем не вызывали доверия, но это было лучше, чем ехать напрямиком в пасть к акулам, как сказала трость. И по-

том я не собиралась там останавливаться. Киёми упоминала, что владения Курокавы – это прибрежная полоска, а через пролив находится материк, на котором живут какие-то там варвары. Подробностей я не знала, но возможно среди варваров мне, беглянке из Кайдо, будет намного безопаснее, чем в отчем доме.

– Да, так и поступим. Но нужно подготовиться в долгому путешествию. Украдкой собрать припасы...

– Я помогу, – воодушевленно закивала Рэн и стала перечислять. – Нужна еда, мешок с водой, теплый плащ с капюшоном, нож...

Я поняла, что смогу довериться своей случайной сообщнице. Она гораздо лучше, чем я, разбиралась в хозяйственных делах в обители. Да и в горы, судя по всему навевалась регулярно, а значит точно сможет посоветовать, что требуется для долгого пешего перехода.

Мы договорились, что она начнет потихоньку сносить все необходимое в мою комнату, а уйду я через три ночи.

9. Тяжесть украденного плаща

Три дня до побега превратились в бесконечную, изматывающую пытку ожиданием. Каждый час растягивался, наполненный приглушенными звуками обители, каждый из которых заставлял мое сердце замирать. Я жила в состоянии постоянной тревоги, когда кожа кажется слишком тесной, а нервы натянуты до предела.

Мои будни теперь состояли из двух частей: притворства на людях и лихорадочной деятельности в уединении. По утрам я, как и прежде, с показной медлительностью бродила по саду с Киёми, делала вид, что с трудом управляюсь с палочками для еды. Но внутри все было сжато в тугой, трепещущий комок. Я ловила на себе взгляд Киёми – все более внимательный и печальный. Казалось, она что-то знает или, по крайней мере, чувствует назревающую бурю. Ее молчаливая опека стала еще более осторожной, почти прощальной. Ну или я всё себе выдумала, как говорится, на воре и шапка горит.

Истинная жизнь начиналась, когда дверь моей кельи по вечерам закрывалась. Рэн оказалась удивительно расторопной и изобретательной союзницей. Ее визиты были краткими, как выдох, и такими же незаметными. Она появлялась в дверном проеме, быстрая, как ящерица, и исчезала, оставив у моих ног маленький, туго свернутый узелок.

Первым делом она натаскала – уж не знаю, откуда – походной провизии. Не рис, который мы ели в обители, а плотные, поджаристые лепешки из ячменной муки и полоски жесткого, соленого вяленого мяса, пахнущего дымом. Я спрятала их в щель между моей лежанкой и холодной каменной стеной, и оттуда теперь постоянно тянуло сладковатым духом. Потом появился мех для воды – тяжелый, пахнущий речной тиной и старым деревом. Он тревожно булькал каждый раз, когда я задвигала его подальше в щель, словно напоминая о себе.

Самым ценным трофеем стал плащ. Грубый, темно-серый, почти черный, сшитый из овечьей шерсти. Он пах дождем, овчарней и долгой дорогой. Я прижимала лицом к его колючей ткани, и мне показалось, что я уже чувствую на коже холод горного ветра. Плащ был не моего размера, слишком велик и невероятно тяжел, но он обещал тепло и неприметность в темноте. Нож Рэн принесла последним – короткое, острое лезвие с деревянной рукоятью, умещавшейся на ладони.

Кроме этих приготовлений, я не прекращала свои тренировки. Теперь я отрабатывала не плавность, а скорость и тишину. Я заставляла свои все еще слабые ноги быстро и бесшумно пересекать комнату от стены к стене. Прислушивалась к скрипу половиц, запоминая, куда можно наступать, а куда – нет. Я делала упражнения для рук, сжимая и разжимая кулаки, представляя, как опираюсь на посох в горах. Каждый вечер я засыпала с ощущением, что мое тело – это чужая,

непослушная лодка, которую я отчаянно пытаюсь направить в бурное море.

На вторую ночь, когда обитель погрузилась в глубокий сон, мое нетерпение пересилило страх. Мне был нужен был совет. Я должна была поговорить с тростью.

Выскользнуть из комнаты оказалось проще, чем я думала. Дверь издала лишь короткий, сонный скрип. Коридор был погружен во мрак и тишину, нарушаемую лишь храпом кого-то из дальних келий. Я шла, прижимаясь к стене, и каменная кладка помогала мне определиться с направлением.

Дверь кабинета сюда-ин была, как и ожидалось, заперта. Но я пришла не рыться в вещах, а поговорить, и для этого необязательно было проникать внутрь. Я присела на корточки перед щелью под дверью и прошептала:

– Трость, это я, Юмэ, Слышащая. Ты не спишь? Мне нужна твоя помощь.

Сначала ничего не было слышно. Потом из-за двери донеслось негромкое, дребезжащее ворчание.

«Ночные прогулки – дурная привычка, детка. Можно наткнуться на кого угодно, да и старая лисица может что-то почуять и проснуться, а у нее и без того сон, как у птички на ветке».

– Знаю, но я пришла ненадолго. Днём совсем нет возможности поговорить. Ты же слышал, что Сёэн сказала – она сообщила в клан о моём выздоровлении. Мне нужно уходить из обители как можно скорее. Помоги мне, дай совет, как

выбраться незамеченной.

Трость фыркнула, и я услышала легкий стук ее набалдашника о пол.

«Думаешь, я не знаю? Все ками в обители только об этом и говорят. Даже пыль в углах сгрудилась, обсуждает. Ладно, слушай. Завтра ночью на страже стоит зоркий воин, Акира. Он будет у восточных ворот, через которые обычно выходят служанки. Тебе не пробраться мимо него незамеченной, но обитель сама тебе поможет. В зарослях криптомерии, что в старом внутреннем дворе, есть забытый всеми проход. В замке калитки живёт ками, он пропустит тебя, если попросишь. Но будь внимательнее с камнями у входа. Третий от угла, тот, что с выщерблиной... он ненавидит, когда на него наступают. Ступишь – он начнет вопить на весь двор. Переступи его».

Я замерла, стараясь запечатлеть каждое слово в памяти.
– А погода? Какая будет следующей ночью?

Трость на мгновение замолчала, будто прислушиваясь.

«Ветер с востока говорит, что будет ясно. Но холодно. Очень холодно. Иней ляжет до рассвета. Север – путь для отчаянных, детка. Там земли, где голоса ками грубы и чужды, а ветер не шепчет, а воет. Там не пахнет ни цветами, ни благовониями. Там пахнет снегом, сосной и... одиночеством. Тебе будет сложно найти общий язык с местными ками».

От этих слов по коже пробежали мурашки. Но отступить было уже некуда.

– Спасибо, – прошептала я. – Я запомню.

«Эй, погоди, – вдруг сказала трость, ее голос потеплел, потеряв ехидные нотки. – Одной отправляться в дороге – глупо. Особенно для такой хрупкой Слышащей. Тебе нужен спутник. Не из плоти и крови – они ненадежны. А кто-то легкий духом, кто не устанет в пути».

– Думаешь, кто-то из kami согласится составить мне компанию? – с сомнением прошептала я.

Трость низко завибрировала, и лишь спустя несколько мгновений я поняла, что это она так смеётся.

«Ты такая очаровательная, Слышащая. Люди этого мира глухие, они не спрашивают kami, просто хватают нас своими грязными лапами и тащат туда, куда им хочется. А потом они удивляются, почему kami не хотят с ними общаться».

– Но я так не могу, ведь я-то слышу ваши голоса.

«Вот именно, вот именно. Голоса у нас разные, как и характеры. Не все такие старые ворчуны, как я. Подумай, не встречалась ли тебе в обители крылатая душа, которая скучает по путешествиям. Тот, кто добровольно согласится присоединиться к тебе, станет самым верным и надёжным попутчиком. А теперь ступай. И удачи тебе, дитя иных миров. Не дай этому миру сломать тебя».

Трость замолчала, и я поднялась с холодного каменного пола, который уже успел заморозить мне колени. Я вернулась в свою комнату так же бесшумно, как и вышла, и легла спать, размышляя о том, что старая трость дала мне и правда

отличный совет – друг мне и впрямь пригодится. И у меня была идея, кто – возможно, если мне очень повезет – мог бы им стать.

На следующий день, воспользовавшись тем, что Киёми отлучилась по хозяйственным делам, а Рэн отвлекла единственную послушницу в библиотеке, я проскользнула в помещение со свитками. Сердце бешено колотилось. Длинный, узкий футляр лежал на своем месте. Я протянула руку, и едва пальцы коснулись старого дерева, как изнутри послышался настороженный голос.

«Опять ты, Слышащая! Надумала что-то сыграть?»

– Не в этот раз. Мне нужно уходить из обители, – прошептала я, сжимая футляр. – Завтра ночью. Хочу попытаться счастья вдали от земель клана Кайдо. Не желаешь ли ты присоединиться ко мне, стать моим спутником?

«Зачем бы мне это?» – фыркнула флейта.

Моё сердце упало, кажется, я зря понадеялась, что смогу заинтересовать этого ками.

– Я подумала, что может быть тебе скучно здесь, в обители, и...

«Ну да, конечно», – ехидно протянула флейта. – «Если ты и думала о ком-то, то явно не обо мне, а о себе. Вы, люди, такие эгоисты, хоть слышащие, хоть глухие».

Я пристыженно замолчала, потому что ками был прав. Мне было страшно отправляться в неизвестность в одиночестве. Вот я и...

Флейта тоже молчала, и я почувствовала, как по телу разливается предвосхищение отказа. Ну что ж... нет значит нет. Я опустила руки и стала отворачиваться, когда ками вновь подал голос:

«Ладно, может быть это и впрямь неплохая идея, ведь я немного устал от пыли и тишины. Но ты должна зарубить себе на носу, что я тебе не друг и не слуга. Это понятно?»

Пришла моя очередь хмуриться. При нашем первом разговоре ками разговаривал со мной вполне благосклонно. Во всяком случае не грубил. Наоборот, мне показалось, что нам будет легко найти общий язык. Но с таким отношением...

– Я и не думала считать тебя слугой, – прошептала я. – Что ты можешь, ты ведь всего лишь флейта...

Ками снова фыркнул.

– ...но если ты не друг и не хочешь им стать, то и мне такой спутник без надобности. Извини, что побеспокоила.

Я успела сделать несколько шагов прочь, когда услышала в спину:

«Какие мы обидчивые! Стой, Слышащая, стой же, кому я говорю!»

Я замерла, не оборачиваясь.

«Ладно, я согласен присоединиться к тебе!»

– М-м-м... – задумчиво протянула я.

«И готов иногда давать советы, без которых ты очевидно пропадешь» – снисходительно добавил ками.

– Договорились, ваше величество, – хмыкнула я и при-

жала футляр с флейтой к груди, пряча в складках одеяния и, озираясь, вышла из библиотеки. Еще один шаг на пути к свободе. Знать бы ещё, не поступила ли я опрометчиво, взяв флейту с собой?

И вот настала третья ночь. Та самая. Дожидаясь положенного часа, я застыла на своей лежанке, вслушиваясь в бие-ние собственного сердца. За окном царила тишина, та особая, густая хмарь, что наступает лишь глубокой ночью. Ни ветра, ни шепота. Даже голоса ками обитатели притихли, затаившись. Лунный свет, холодный и безжалостный, струился в оконце, рассекая комнату пополам серебряным клинком.

Пора.

Я отбросила грубое одеяло. Холод моментально обжег кожу, заставив зубы стучать мелкой дрожью. Я нащупала в темноте сверток, приготовленный Рэн. Простая, походная одежда служанки – широкие штаны-хакама и короткий плотный китель. Ткань была грубой и пахла костром и травами. Я натягивала ее на свое все еще худое, дрожащее тело, и каждый шорох ткани казался мне оглушительным. Последним я на-кинула плащ. Его тяжелое, колючее покрывало сразу же при-дало мне ощущение невидимости, но и сковало движения.

Я подошла к двери, затаив дыхание. Футляр с флейтой я привязала к поясу, под плащом.

«Я что, так и буду всю дорогу болтаться у твоего бедра?» – проворчал ками.

– А что не так, Бэмби? – удивилась я.

Ками тяжело вздохнул, но не стал пояснять. Он вообще был не сильно разговорчив. Я пыталась узнать, есть ли у него имя – нужно же мне было как-то к нему обращаться. Но когда он не хотел разговаривать, то просто молчал и всё, ни слова из него было не вытянуть. Так что я сообщила, что буду называть его Бэмби, якобы сокращённо от «бамбук». Иронии он, конечно, оценить не мог, да и пусть. Зато я в душе каждый раз злорадно хихикала, вспоминая милого оленёнка из детского мультфильма, до которого высокомерному и снисходительному каму было как пешком до моего родного мира.

Встреча с Рэн была назначена в тени зарослей криптомерии, о которых говорила трость. Я кралась по коридорам обители, как тень, вспоминая ее наставления. Ветерок, гулявший по внутреннему дворику, как будто замер, почуяв меня, и прилег к земле, позволив мне проскользнуть незамеченной. Глупости, конечно, но мне казалось, сама обитель, с ее тысячей невидимых глаз и ушей, затаила дыхание, наблюдая за моим побегом.

Рэн уже ждала, прижавшись спиной к стене, тоже одетая по походному, в темном плаще и с котомкой за плечами. Ее лицо в лунном свете было бледным, как полная луна, а глаза – огромными, полными страха и возбуждения.

– Госпожа Юмэ, вы пришли! Ну что, точно уверены, что выберетесь наружу сами? – прошептала она, и ее голос дрогнул. – Сегодня дежурит Акира, а у него зоркий глаз.

– Да, Рэн, не переживай, – успокоила я девушку. – Вдвоем нам точно не пройти мимо стражи, но у меня есть план. Встретимся снаружи, как договорились.

– Ладно. На удачу!

Рэн бросилась ко мне и обняла так сильно, что у меня захватило дух. Потом она отшатнулась и, не оглядываясь, растворилась в тени.

Я осталась одна. Теперь все зависело только от меня. Самый опасный участок – потайная калитка в зарослях криптомерии, про которую позабыли люди, но помнили kami. Протиснувшись к ней сквозь переплетение веток и стволов, я увидела массивный, почерневший от времени деревянный засов и тяжелый железный замок. Мое сердце упало. Но я вспомнила наставление трости: «Замок стар, он больше любит спать, чем бодрствовать. Поговори с ним ласково, и он выпустит тебя».

Я прикоснулась пальцами к холодному металлу. Внутри не было ни голоса, ни шепота, лишь глухое, сонное бормотание, похожее на храп.

– Пожалуйста, – прошептала я, вкладывая в слово всю свою отчаянную надежду. – Пожалуйста, открой мне проход, мне нужно уходить.

Я потянула засов, но он не поддался.

«Да перестань уже трястись!» – цыкнул на меня Бэмби из под плаща. А затем добавил громче: – «А ты, глухой пень, пропусти нас!»

Дерево с неприятным скрежетом поддалось, будто нехотя. Замок не щелкнул, не закрипел. Он просто молча позволил мне сдвинуть тяжелую створку ровно настолько, чтобы протиснуться наружу.

– Спасибо, – прошептала я с благодарностью, погладив пальцами шершавое дерево. И шагнула вперед, в последний момент вспомнив про предостережение про вопящий камень кладки.

И вот я за стенами. Калитка за спиной неслышно закрылась, и тени сразу же будто оплели ее. Даже я, только что прошедшая насквозь, не была уверена, что смогу заново найти проход с этой стороны обители. Снаружи.

Первый глоток свободного воздуха обжег легкие. Он был холодным и острым, пахло хвоей, влажной прелой листвой и чем-то незнакомым, диким. Голова закружилась. Я прислонилась к холодному камню стены, пытаясь совладать с волнением. Сзади была знакомая твердыня, пусть я и бежала прочь из нее. Впереди же – черная стена леса, из которой доносилось лишь неуловимое движение. Я сделала шаг. Потом другой. По спине, за которой осталась громада обители, побежали мурашки. Еще несколько шагов – и лес принял меня в свои объятия, укрыв темнотой и тишиной.

10. Опасность горной ночи

Рэн нашла меня, когда я уже вся тряслась от страха, что её не выпустили, её поймали, что нас разоблачили, что меня вот-вот кто-то схватит и вернёт обратно в обитель. Но нет, у неё не возникло никаких проблем с Акирой, а я в очередной раз убедилась, что у страха глаза велики.

Рэн ободряюще сжала мою руку и зашагала впереди меня по узкой тропке, выющейся по камням меж горных сосен. Как она её различала, мне было неизвестно. Хоть луна и освещала окрестности достаточно ярким светом, но мне кажется, что я даже днём не смогла бы найти верной дороги. Мысли о том, что я зря убежала из Сэйан-дзи, снова и снова всплывали в моей голове. Никакого опыта горных переходов у меня не было ни в этой жизни, ни в прошлой, да еще и неокрепшее тело Осиэки... Кстати смена имени оказалась очень удобна для меня – теперь я мысленно разганичивала «себя» – Юмэ – и «её» – Осиэки. Это помогало немного меньше путаться.

Первые шаги по горной тропе стали для меня суровой проверкой на прочность, о которую разбивались все мои надежды и тренировки в стенах обители. Там, на гладких каменных плитах, я уже чувствовала себя почти уверенно. Здесь же, на склоне, усыпанном предательски острыми камнями и скользкой хвоей, я снова превращалась в куклу, не послушную воле кукловода. Ноги, едва окрепшие, подкаши-

вались на каждом шагу, подворачиваясь в грубых, негнущихся башмаках, которые Рэн раздобыла невесть где. Дыхание срывалось, превращаясь в короткие, хриплые всхлипы. В боку зашевелилась знакомая, колющая боль, и я с отчаянием вспомнила, как бежала когда-то по петербургской мостовой, чувствуя то же самое. Только тогда я бежала на репетицию, в свою жизнь, а теперь – прочь от всего, что ею стало.

Рэн шла впереди, ее легкая, пружинистая походка была живым укором моей немощи. Когда она оборачивалась, ее лицо, полное тревоги за меня, в сумраке ночи казалось бледным пятном.

– Юмэ-син, помедленнее, – ее голос доносился сквозь шум крови в ушах. – Не торопитесь, тропа здесь коварна. Смотрите под ноги.

Я кивала, не в силах вымолвить и слова, и цеплялась взглядом за ее спину, как за единственный ориентир. Каждый мускул горел огнем, каждое сухожилие натягивалось до предела. Плащ, такой спасительный вначале, теперь казался неподъемной горой на плечах, его грубая шерсть натирала шею. Футляр с флейтой у пояса бился в бедро, словно свинцовая гирия. А сам Бэмби упорно молчал, слава всем местным богам! На его комментарии у меня бы сейчас нервов точно не хватило бы.

Мы шли молча какое-то время, и лишь мои тяжелые вздохи да редкие предупреждающие возгласы Рэн нарушали тишину. Но постепенно, по мере того как мы углублялись в

лес, Рэн, видимо, решила отвлечь меня.

– Вы знаете, Юмэ-син, – начала она, перескакивая через поваленное дерево с легкостью горной козочки, – в долине в это время года уже вовсю цветет адонис. Цветы стелятся словно ковер из желтых цветов, и кажется, будто само солнце опустилось на землю.

Я лишь помотала головой, пытаюсь вдохнуть полной грудью.

– А еще... – она понизила голос, хотя вокруг, кроме нас, никого не было, – люди поговаривают, что стоит ожидать стычек на западных границах нашего удела. Клан Сирайю, «Горная Ночь», сейчас усилил свое влияние при дворе. ненавидит наших... то есть Кайдо. Говорят, из-за старой вражды, из-за порта, который когда-то отобрали у них.

Эта информация, поданная таким простым, доверительным тоном, заставила мое сердце сжаться. Враги. Реальные, могущественные, с именами и мотивами. Это были не абстрактные «интриги», о которых я читала в свитках, а нечто осязаемое и опасное.

– А на севере... – Рэн оглянулась, убедившись, что я еще на ногах, – там правда дико. Но и люди другие. Не такие чопорные, как в Кёсэй. Курокава-син, тот самый северный даймё, редко появляется при дворе. Его воины носят мечи с черными рукоятями, и говорят, они не кланяются даже императорским посланникам, если те приходят с неуважением.

Ее слова рисовали в моем воображении смутную, но

интригующую картину. Мир за стенами обители оказался огромным, сложным и пугающим. Я слушала Рэн, и мои собственные страхи на мгновение отступали, сменяясь жадным любопытством. В этих отрывочных сведениях я искала не просто информацию, а возможную точку опоры, место, где такая чужачка, как я, могла бы затеряться.

Наш путь казался бесконечным. Временами тропа становилась такой крутой, что я карабкалась на четвереньках, чувствуя, как острые камни впиваются в ладони сквозь ткань перчаток. Рэн терпеливо ждала, ее рука всегда была готова поддержать меня, ее тихие слова ободрения были единственным источником тепла в ледяном мраке ночи. Наконец, мы вышли на небольшой скальный выступ. Лес ненадолго расступился, открывая вид на лежащую внизу долину, тонущую в предрассветном тумане. Луна уже склонилась к западу, и ее свет стал призрачным, жидким. Рэн остановилась и указала вперед.

– Вот, – прошептала она, и в ее голосе прозвучала неподдельная грусть. – Внизу будет тропа. Идите по ней все время на север. Она выведет к старой торговой дороге.

Она повернулась ко мне. Ее глаза блестели в полумраке.

– Мне пора назад. К утру я должна быть в обители.

Комок подкатил к горлу. Я стояла, чувствуя, как дрожь пробегает по моим изможденным ногам, и смотрела на эту девочку, которая рисковала многим ради меня.

– Рэн... – мой голос сорвался в хриплый шепот. – Спаси-

бо. Я... я никогда не забуду.

Она бросилась ко мне и снова обняла так сильно, что у меня захватило дух.

– Когда-нибудь все уладится, – прошептала она мне, погладив по плечу. – Я буду молить предков за вас.

Потом она быстро отстранилась, словно боялась, что ее собственная решимость растает. Еще один взгляд, и Рэн развернулась и скрылась в темноте леса, откуда мы пришли. Ее шаги быстро затихли, поглощенные густым хвойным покровом.

Я осталась одна.

Тишина, наступившая после ее ухода, была оглушительной. Она давила на уши, на виски, на само сердце. Я сделала шаг к краю выступа, рассматривая спящую внизу долину. Холодный ветер, о котором вчера ночью предупреждала ками-трость, бил мне в лицо, заставляя содрогаться. Одиночество накатило такой тяжелой волной, что я едва не рухнула на колени. Я была одна. Совершенно одна в незнакомом, враждебном мире. Все, что у меня было, – это нож, флейта и плащ, пропахший чужими жизнями.

Видимо я стояла так довольно долго, так как край неба на горизонте начал светлеть. Я глубоко вздохнула, пытаюсь собрать остатки воли, и сделала первый шаг по направлению к спуску.

«Подожди, Юмэ, что-то здесь не так», – внезапно подал голос Бэмби.

Я дернулась от неожиданности. И в этот самый миг из чащи позади меня донесся резкий скрип. Не голос зверя и не шум ветра – это был звук натягивающейся тетивы. Обернувшись, я вздрогнула – из темноты вышли тени. Три высокие, плотно сбитые фигуры в стеганых доспехах темного цвета, лица скрыты глухими шлемами с опущенными забралами. На груди одного, того, что был впереди, я успела заметить вышитый белой нитью знак – стилизованная гора под усыпанным звездами ночным небом. Сирайо, «Горная Ночь». Кажется, сведения Рэн о стычках на границах несколько устарели... Ведь от обители до границ удела было далеко.

– Ну здравствуй, ранняя птичка из Сэян-дзи, – раздался хриплый, насмешливый голос из-под шлема ближнего воина. – Далеко ли собралась?

Они двигались ко мне, медленно и уверенно, один из воинов обошел меня с боку, со стороны спуска в долину, отрезая путь к отступлению. Я замерла, не зная, что делать. Рука инстинктивно потянулась к ножу за поясом, но пальцы лишь беспомощно затряслись, не в силах сжать рукоять. Да и что я могла сделать с тремя крепкими мужчинами?

– Оставьте меня, – выдохнула я, и мой голос прозвучал жалко и тонко, как писк мыши. – У меня ничего нет!

– А мы проверим, – тот же наемник осклабился. – После того, как ты нам отдашь свою котомку и расскажешь, кто сегодня дежурит на страже в обители.

Он сделал резкий шаг вперед и схватил меня руку. Я понимала, что у меня нет никаких шансов, но все равно заби-лась в панике. Вся накопленная за эти недели ярость, страх, отчаяние – все выплеснулось наружу в крике. Я не думала, не планировала – просто вопила от ужаса. Воин ругнулся и обхватил меня поперек туловища, пытаясь зажать рот.

– Да чтоб тебя, дрянь! Чен, подсоби!

Второй наемник метнулся к нам. В лунном свете мелькну-ла короткая, тяжелая дубинка. Я увидела ее движение, и мои ноги словно вросли в землю. Последнее, что я почувствова-ла, – это ослепительную, горячую боль в затылке. Мир взорвался искрами, затем меня поглотила густая, бархатистая чернота, в которой не было ни шепота, ни боли, ни страха. Только тишина.

11. Ветер страха и ярости

Дорогие читатели!

Главы 9 и 10 были обновлены, так как в них потребовались небольшие изменения/дополнения. Например, объясняется, почему у ками-флейты в этой главе появилось имя :)

С уважением, Я.

Сознание вернулось ко мне не плавно, а болезненным рывком, будто душу вбросили обратно в непослушное тело. Первым пришел звук – металлический лязг, врезавшийся в барабанные перепонки. Потом запах – едкий, терпкий дух пота, крови и развороченной земли. И боль. Голова раскалывалась, виски сдавило тисками, все тело ныло, словно меня трижды переехали телегой.

Я лежала на холодной земле, в колючих зарослях. Над головой темнели ветки сосны, и её крона рвано и тревожно шелестела. Я пыталась вдохнуть полной грудью, но в груди пекло, а воздух был густым и тяжелым от криков, стонов и того невыносимого лязга стали о сталь.

«Где я? Что происходит?»

Память отказывалась работать, в голове был хаос. Побег... Рэн... лес... и потом – резкая боль в затылке, темнота.

Меня нашли. Поймали. И теперь... теперь здесь ад.

Я приподнялась на локтях, и мир поплыл перед глазами. Я лежала на краю небольшой поляны перед знакомыми каменными стенами. Обитель Сэйан-дзи.

– Сирайо что, притащили меня обратно? – пробормотал я.

«О, как мило, что ты наконец проснулась», – немедленно отозвался Бэмби. – «А я уж переживал, что пропустишь все самое интересное».

В наполовину выбитых монастырских воротах шло сражение – охранники схватились с теми самыми наемниками. Их броня была пестрой, собранной с миру по нитке, но движения – жесткими и слаженными. Они пытались окончательно высадить ворота, и так висевшие криво, и каждый удар по деревянным створкам отдавался во мне глухой болью. Казалось, самые стены Сэйан-дзи стонут от страха и унижения.

Вероятно, я случайно попалась на глаза наёмникам, и они захотели меня допросить. А когда я подняла крик, то попростому утихомирили. Только вот почему не бросили меня там, на скальном уступе над долиной? Зачем взяли на себя труд принести к обители? Меня узнали? Может быть. Или просто решили, что дополнительная девица будет нелишней...

Сердце заколотилось в горле, паника, острая и слепая, сдавила горло. Они ворвутся внутрь. Они убьют Киёми, Рэн, настоятельницу... всех. А меня бросили здесь, как тряпку, под деревьями, и я не могла пошевелиться из-за чертовой

головной боли, не могла даже крикнуть. Я могла лишь смотреть, как надвигается кошмар.

«Нет... Нет... Остановите их... пожалуйста...»

Мысль была не словом, а отчаянным, беззвучным воплем, вырвавшимся из самой глубины моей растерзанной души. Я не обращалась ни к кому конкретно. Но я зывала к темному лесу, к холодным камням под собой, к самому воздуху, наполненному потом и яростью.

И мир ответил. Ками откликнулись.

Сначала мне показалось, что где-то вдалеке тихо заиграла флейта, но ее мелодию почти сразу заглушил резкий порыв ветра, ни с того ни с сего налетевший с гор. Он завыл в ушах, закрутил сухую хвою. А потом он ударил в спины наемников, обрушился на них плотным невидимым кулаком. Некоторые из Сирайо пошатнулись, а их крики из устрашающих превратились в вопли изумления.

Но это было только начало. Камень, у которого я лежала, дрогнул. Это был небольшой, замшелый валун у самых моих ног, и прежде я не слышала от него никакого шепота. Теперь же от него исходила волна глухого, древнего негодования. И земля под ногами самого крупного наемника, того, что руководил штурмом, вдруг поползла. Не обвалилась, а именно поползла, как живая, уходя из-под его ступней. Он с громким ругательством полетел навзничь, а за ним, с сухим треском, осыпался целый участок склона, на котором они стояли, заваливая камнями и грязью путь к воротам.

Лес вокруг зашумел, закрипел. Ветки деревьев начали метаться, дотягиваясь до людей Сирайо и хлеща их по лицам и доспехам. Казалось, сама природа ополчилась против них. Воздух гудел, наполненный десятками, сотнями чужих, диких, разгневанных голосов.

Я застыла, не в силах пошевелиться, смотря на эту картину ужасающего возмездия. И вдруг я поняла, что ярость леса – это моя ярость, выплеснувшаяся наружу. Ужас охватил меня с новой, незнакомой силой. Но в этот раз это был не страх перед наемниками, а страх перед самой собой. Эта сила была во мне. Она жила где-то в глубине, притаившись, и ждала своего часа. И стоило мне дрогнуть, стоило мне потерять контроль, как она вырывалась на свободу, дикая, необузданная, готовая крушить все на своем пути. Что со мной? Я становилась монстром? Таким же орудием разрушения, как эти наемники?

Ветер, до этого лишь порывистый, с ревом обрушился на пространство перед обителью, завывая в ветвях деревьев с такой силой, что те закрипели и закачались, осыпая нас градом хвои и щепок. Земля под ногами наемников затряслась. А я лежала там же, в колючих зарослях, не в силах пошевелиться. Голова трещала от боли, в висках стучало, и сил словно больше не осталось.

Люди Сирайо в замешательстве отпрянули, поднимая руки к забралам, защищаясь от невидимого натиска. Их уверенность сменилась настороженностью и страхом.

– Колдовство! – проревел один из них. – Проклятое колдовство Кайдо!

В разгар этого хаоса, когда наемники, оправившись от первого шока, с новыми криками пошли на приступ обители, с другой стороны поляны раздался новый звук. Не хаотичный лязг, а ровный, мерный, зловещий гул. Из-за деревьев выехал отряд всадников в темно-синих доспехах с фамильными гербами в виде цветка на гребне волны. Самураи Кайдо.

– Не успела... – горько прошептала я.

«Почему-то я и не сомневался», – не удержался Бэмби.

Их было не больше дюжины, но мне, вздохнувшей одновременно с облегчением и отчаянием, показалось, что это целая армия. Их фигуры казались отлитыми из единого куска стали. Лица скрывали свирепые маски-мэнгу. Они двигались молча, без криков, с убийственной дисциплиной. Поднимающееся солнце холодно сверкнуло на лезвиях их длинных мечей.

Наемники, зажатые между уставшими стражниками Сэй-ан-дзи и этой железной стеной, запаниковали по-настоящему. Бой, который до этого был яростной схваткой, превратился в методичную, безжалостную резню. Самураи не нападали толпой. Они работали парами, как хорошо смазанный механизм. Один парировал удар, второй – молниеносно атаковал в открывшуюся брешь. Крики наемников теперь были только предсмертными.

Я не могла оторвать глаз от этого зрелища, от этого леденящего душу сочетания красоты и жестокости. А мой взгляд невольно притянула фигура впереди отряда из Кайдо. Тот, кто вел бойцов за собой, не носил маски. Его лицо было молодым, с резкими, угловатыми чертами, скулами, острыми как лезвие, и темными, холодными глазами, в которых не было ни гнева, ни азарта – лишь абсолютная концентрация. Он не рубился с остервенением, как его подчиненные. Его движения были скупы, точны и невероятно эффективны. Он не тратил ни капли лишней энергии. Каждый взмах его катаны – и еще один наемник падал, будто подкошенный. И вдруг, в самый разгар боя, он на мгновение замер. Его клинок только что высвободился из тела очередного противника, а взгляд скользнул по поляне перед обителью. Мимо мечущихся наемников, мимо хлещущих ветвей, мимо неожиданного завала у ворот. Он смотрел на меня – застывшую под деревьями с широко раскрытыми глазами.

Наши взгляды встретились всего на долю секунды. Но в его глазах я не увидела ни удивления, ни вопроса. А потому мне было непонятно, видел ли он хаос, устроенный духами-ками незадолго до вступления Кайдо в бой? Или успел заметить только странную девицу? Успел ли он связать одно с другим?

Потом его взгляд скользнул дальше, он сделал шаг, и его клинок с тихим свистом рассек горло очередному наемнику. Бой продолжался. Но для меня все было кончено. Этот

взгляд приковал меня к земле прочнее любых пут. Я шевельнулась и села, обхватив колени дрожащими руками. Больше не было смысла никуда спешить.

12. Договор Молчаливых Слов

12. Договор Молчаливых Слов

Адреналин, подпитывавший меня все это время, иссяк, оставив после себя лишь ватное безразличие и дрожь в коленях. Бой затих, сменившись зловещей тишиной, которую нарушали лишь приглушенные стоны, отрывистые команды и скрип телеги, на которую грузили тела. Воздух все еще был густым и сладковатым от запаха крови, теперь смешанного с дымом от разведенных костров.

«Судя по всему, наше путешествие отменяется?» – протянул Бэмби.

– Боюсь, что нет, – прошептала я и встала, цепляясь за ветки кустов. – Вот только маршрут будет другим.

Я осторожно пробиралась обратно в обитель, прижимаясь к шершавой каменной кладке стены. Но мои тревоги были напрасны – никто не обращал на меня внимания. Все были заняты своим горем, своей работой. Послушницы и служанки, с бледными, осунувшимися лицами, тушили последние очаги пожара, разбирали завалы у ворот, относили раненых в кельи. Их взгляды были пусты, устремлены внутрь себя. Кажется, я была для них всего лишь еще одной тенью, мелькнувшей в хаосе.

Наконец, мне удалось проскользнуть в свою каморку. Дверь с тихим стоном закрылась за мной, отсекая внешний

мир. Я прислонилась к ней спиной, чувствуя, как устала.

– Как глупо всё вышло...

Комната, которую я так стремилась покинуть, теперь казалась единственным безопасным местом во всей вселенной. Я стояла, не в силах пошевелиться, и в ушах у меня все еще стоял лязг стали и тихий, безразличный голос предводителя отряда из Кайдо, которым он отдавал приказы.

Прошло несколько часов. Обеденный гонг прозвучал приглушенно, будто из другого измерения. Но я побоялась выходить из комнаты, наскоро перекусив запасами, которые были приготовлены для дороги. А потом пришла одна из послушниц – не Киёми и не Рэн, другая девушка с испуганными глазами, я не знала ее имени.

– Сюдо-ин Сёэн просит вас к себе в кабинет, – прошептала она и, не дожидаясь ответа, пугливо сбежала.

Я выдохнула и встала, отчётливо ощущая, как трясутся поджилки. И хотя я все это время пыталась убедить себя, что мне ничего не страшно, это увы не помогало. Кажется, сейчас мне предстояло ответить за все. За побег. За ту дикую, неконтролируемую силу, что вырвалась из меня на поляне. А может и вовсе за то, что навлекла на обитель беду – уж не знаю, какие выводы могла сделать Сёэн, увидев, как мое бесчувственное тело доставили к воротам обители наёмники Сирайо.

Дорога до кабинета настоятельницы показалась бесконечной. Я шла, глядя прямо перед собой, но каждый камень под

ногами, казалось, осуждающе шептал мне вслед.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я постучала, и изнутри раздался ровный голос Сёэн:

– Войди, дитя.

Я вошла. В кабинете пахло старой бумагой, воском и теперь – едва уловимым, холодным духом металла и пота. Сёэн сидела за своим столом, ее лицо было привычно непроницаемым, но в уголках губ залегла усталость. А у окна, прислонившись плечом к косяку, стоял он – тот воин, который возглавлял отряд Кайдо.

Он снял шлем и тяжелые наплечники, оставшись в стеганой куртке темно-синего цвета. Воспользовавшись моментом, я смогла разглядеть его получше. Темные волосы были коротко острижены, а от виска к углу рта тонкой ниточкой тянулся шрам. Он не смотрел на меня, разглядывая свиток на столе, но я чувствовала его внимание, плотное и тяжелое, как тот дорожный плащ, что раздобыла для меня Рэн.

– Подойди, дитя, – сказала Сёэн. Ее голос был ровным, но в нем не было привычной мне мягкости. Это был голос настоятельницы, ведущей официальную беседу. – Рёта-син и отряд прибыли сегодня весьма вовремя, чтобы обеспечить твою безопасность и доставить тебя в поместье вашего отца. Ты помнишь его?

«Да откуда б душе иных миров помнить какого-то местного мальчишку, старая ты черепаха», – проворчала трость, что стояла прислоненная к столу настоятельницы.

«И то верно», – поддакнул Бэмби.

Я сжала губы, сдерживая такую несвоевременную улыбку, и покачала головой:

– Увы, сию-ин, предки не оставили мне этих воспомина-
ний.

– Ну ничего, – неожиданно подмигнула мне Сёэн. – Он тоже верно полагает, что перед ним Кайдо Осиэки, и ещё не знает, что ошибается.

Рёта медленно поднял голову и с непониманием посмотрел на хозяйку, а затем на меня. Его глаза оказались темными и холодными, как речная галька зимой. В них не было ни гнева, ни любопытства, только спокойное непонимание.

– Рёта-син, представляю вам Кайдо Юмэ – деву, которая нашла в себе смелость лично провести ритуал имяотречения и приняла новую себя.

– Вот как... – В его глазах, наконец, промелькнула искра интереса, но быстро погасла. – Я запомню. Юмэ-син, тогда позвольте заново представиться, я командир отряда Кайдо Рёта.

Я кивнула, принимая его слова, но не удержалась от уточнения:

– Кайдо? Значит, мы... родственники?

– По клану – да, но не по крови, – ответил Рёта с небольшой заминкой, словно удивившись моему невежеству. Он говорил четко, чеканя каждое слово, как удар меча по нако-

вальне.

– Присягнув своему даймё, он принял и имя его клана, – тактично подсказала мне настоятельница. – Не переживай, что ты не помнишь таких деталей, дитя. Вернувшись домой, все быстро к тебе вернётся.

– Презренные мародёры разбиты. Наши потери незначительны, – продолжил Рёта, и его взгляд скользнул по моей фигуре, будто составляя опись имущества. – Угроза обители ликвидирована. Ваш отец, Кайдо-син, ожидает вашего возвращения с великим нетерпением.

Эти слова прозвучали как приговор. «Ожидает». Не «соскучился», не «жаждет воссоединения». Ожидает, как ожидают прибытия стратегического груза, ценного товара. Я молчала, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Видел ли Рёта бурю, которую подняли ками? Понял ли? Он не подал виду, что что-то не так. Но вдруг он просто промолчал, а позже донесет своему даймё, моему отцу?

И тут взгляд Рёты, скользя по мне, остановился на моем поясе. На футляре бамбуковой флейты, который я, в панике и усталости, забыла снять и спрятать. В его глазах снова мелькнул легкий, почти неуловимый интерес.

– Флейта, Юмэ-син? – произнес он, и в его голосе впервые появились нотки чего-то, кроме холодной формальности. – Интересно. Ранее вы не проявляли интереса к музыке. В обители вас научили?

Ледяная волна паники накатила на меня и сдавила горло.

Идиотка! Как я могла быть такой неосторожной? Взять без спроса собственность обители – ужасно само по себе. Я словно воровка хотела сбежать в ночи с чужим имуществом. Я ничем по сути не лучше, чем наёмники Сирайо. Но забрать ками-флейту... Я не сомневалась, что Сёэн прекрасно знает, что это не просто музыкальный инструмент, а один из артефактов, оберегаемый в Сэйан-дзи. Уставившись в пол, я боялась поднять взгляд на настоятельницу и пыталась придумать хоть одну причину, пусть даже нелепую отговорку, для своего поступка:

– Я... я...

Но Сёэн внезапно сама пришла мне на помощь.

– Это мой подарок Юмэ, – сказала она, глядя на Рёту, и ее голос прозвучал удивительно спокойно и естественно. – На память о времени, проведенном в стенах Сэйан-дзи. Ведь она прожила с нами столько лет. Пусть хоть что-то напоминает ей о нашем смиренном обителище. А музыка... музыка умиротворяет душу. Я надеялась, она принесет Юмэ утешение в дороге домой

Она произнесла это с такой легкой, почти материнской грустью, что ее слова прозвучали абсолютно искренне. Впрочем, это была, получается, и не ложь, а скорее полуправда, поданная с таким искусством, что ей нельзя было не поверить.

Рёта замер на мгновение, его пронзительный взгляд перешел с меня на Сёэн, а затем обратно на флейту. Он медленно

кивнул, размышляя над ее словами.

– Понимаю, – произнес он наконец. – Милость сюдо-ин не знает границ.

В его тоне вновь не было ни капли эмоций. Он принял объяснение, либо потому, что оно было правдоподобным, либо потому, что не считал этот вопрос достойным дальнейшего обсуждения.

– В таком случае, пусть она и вправду принесет вам утешение в пути, Юмэ-син, – продолжил Рёта. – Мы выступаем на рассвете. Будьте готовы.

Он склонил голову в почтительном поклоне в сторону Сёэн, бросил на меня последний быстрый взгляд и бесшумно вышел из кабинета.

Дверь закрылась, и я осталась наедине с настоятельницей. Воцарилось молчание, и я наконец осмелилась поднять на нее взгляд.

– Простите, сюдо-ин. Я... я не... – я пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле.

Но она, кажется, все и так поняла. Сёэн молча поднялась из-за стола, подошла ко мне и положила свою сухую, теплую руку мне на плечо. Это был простой жест, но в нем было больше утешения, чем в тысяче слов.

– Не бойся, дитя, он вряд ли понял и осознал, что произошло перед воротами обители, – тихо произнесла она. – Но мир за этими стенами полон таких вот Рёт. Холодных, наблюдательных, видящих в людях лишь инструменты. Твой дар –

величайшая ценность. И величайшая уязвимость. Запомни этот урок. И запомни его цену.

– Спасибо, – прошептала я, и это было единственное слово, которое я смогла выжать из себя.

Сёэн покачала головой.

– Не благодари. Просто живи. И слушай ками вокруг, раз уж они так благосклонны к тебе, что один из них даже согласился разделить с тобой долгое путешествие. А теперь иди. Тебе нужно отдохнуть, ведь впереди долгий путь.

Я кивнула, развернулась и, как пьяная, побрела к двери. Завтра меня ждала дорога домой. В место, которого я не помнила, к людям, которых не знала, под неусыпным взглядом человека, который, возможно, знал мою страшную тайну и просто ждал момента, чтобы использовать ее.

13. Родной незнакомый дом

Путь в поместье Кайдо растянулся в бесконечную, изматывающую пытку неподвижностью. Меня везли в паланкине – тщательно закрытом со всех сторон, узком ящике, обитом внутри мягчайшим шелком цвета утренней зари. И в этой душной, тесной роскоши я с предельной ясностью осознала, что окончательно и бесповоротно превратилась в вещь. Бесценную, хрупкую, и оттого заточенную в самый надежный футляр. Уже через пару часов каждое движение носильщиков отдавалось в моих костях. Я не могла выйти, чтобы размять затекшие, ноющие от долгого сидения ноги. Не могла приказать остановиться, чтобы глотнуть воды из горного ручья. Даже поговорить с Бэмби не выходило. Точнее не вышло бы, если б он соизволил одарить меня своим вниманием – если б я начала бормотать вслух, Рёта бы точно заглянул в паланкин. Но ками словно знал, что сейчас не время для разговоров. А может просто вредничал или бессовестно дрых.

Единственное, что я могла делать – это смотреть в окно, точнее в узкую щель между слоями ткани. В этом отверстии проплывали обрывки недостижимого мира: склоны холмов, поросшие горными соснами, чьи ветки звенели на ветру.

Когда мы спустились в долину, показались крыши далеких деревень, от которых тянулись теплые запахи чужой жизни; поля, на которых чужие люди, не поднимая голов,

выращивали рис. Каждый такой мимолетный пейзаж отзывался во мне острым уколом тоски по той краткой призрачной свободе, что я едва успела вкусить на короткой, темной тропинке, что вела прочь от обители.

Шесть самураев из отряда Рёта несли паланкин на своих плечах с ритмичной равномерностью. Их ровное, немного учащенное дыхание было единственным звуком, помимо топота копыт коней и однообразного скрипа кожаных ремней. Они были не людьми, а лишь продолжением этого ящика, частью системы, доставляющей ценный груз. А я была этим грузом. Пленницей в самом изощренном смысле этого слова – пленницей долга, происхождения и воли отца, который не спрашивал о моих желаниях.

Однажды, во время короткого привала, когда солдаты по деловому и молча, не снимая лат, жевали свои порции походной каши, я откинула шелковую занавеску. Рёта стоял в нескольких шагах от паланкина на пригорке, и его неподвижная фигура на фоне неба казалась вырезанной из темного камня. Он осматривал окрестности, и его взгляд, скользя по лесу и дороге, был таким же острым и хищным, как у ястреба.

– Далеко еще? – выдохнула я.

Рёта обернулся.

– Мы идем по графику, Юмэ-син, – ответил он. – До поместья Кайдо менее дня пути.

В его ответе я не услышала ни тени участия или устало-

сти. Просто информация, выданная роботом в человеческом обличье.

– А что... что там ждет меня? – рискнула я спросить, вкладывая в свой надтреснутый голос отчаянную, почти детскую надежду хоть на какую-то зацепку, на намек, который помог бы мне подготовиться к будущему.

«Очень своевременный вопрос!» – проворчал Бюмби, внезапно очнувшись от своей дрёмы. – «Мне тоже хотелось бы знать, не пора ли начинать жалеть о своем согласии присоединиться к путешествию неудачницы».

Я его, конечно же, проигнорировала, сосредоточившись на капитане отряда. Рёта взглянул на меня, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то, что я не могла расшифровать. Не сочувствие. Скорее... усталое понимание правил игры, в которую мы оба были вовлечены помимо нашей воли. Он видел перед собой не человека, а пешку, и, возможно, в глубине души признавал, что и сам является тоже фигурой на игровом поле.

– Вас ждёт исполнение долга перед кланом, – произнес Рёта ровно. – Как и каждого из нас. Долг – это стержень, на котором держится мир. Без него есть только хаос.

Не дожидаясь новых вопросов, он отвернулся и отдал короткую команду трогаться. Наш диалог, если это можно было так назвать, был исчерпан. Я опустила занавеску, вновь погрузившись в полумрак, пропахший дорогим деревом. От этого человека не стоило ждать ни помощи, ни сострадания.

Похоже, что он был идеальным воином своего даймё, и моя судьба являлась для него лишь частью задания, пунктом в маршрутной карте.

Поместье Кайдо возникло на горизонте внезапно, как мираж. Оно не было мирным, уютным убежищем. Это была крепость, оплот могущества, и каждый ее элемент кричал об этом.

«Неплохо, неплохо!» – сообщил мне Бэмби, явно тоже осматриваясь. Хотя где глаза у флейты я не могла бы даже и предположить. Впрочем, от одной только этой мысли я нервно хихикнула и немного расслабилась.

– Рада, что тебе нравится. Но не торопись, давай повнимательнее присмотримся! – пробормотала я еле слышно, но уверена, что ками меня услышал.

Мощные, темно-серые каменные стены, отполированные ветрами и дождями, врезались в небо, увенчанные островерхими черепичными крышами сторожевых башен. За зубчатыми парапетами я видела сложные, многоярусные узоры кровель главного здания, а за крепостным валом простиралось море – темно-синее, суровое, усыпанное, как стая железных птиц, десятками военных и торговых кораблей под синими флагами с гербом «Цветка прибоя». Воздух здесь был другим. Он не пах лесом, травами и влажной землей, как вокруг обители. Он был густым, насыщенным запахами соленой воды и водорослей. Сама атмосфера была тяжелой и давящей. Могущество клана ощущалось буквально кожей

– в идеальной гладкости отполированных камней мостовой, в каждом стражнике у массивных ворот, в каждом твердом и подозрительном взгляде, которым они провожали наш маленький, пыльный кортеж.

Меня провели внутрь, но я чувствовала, что вернулась домой. Я шла по широким, устланным безупречными циновками коридорам, мимо раздвижных дверей с росписями, изображавшими грозные шторма и морские битвы, и ощущала себя призраком, заблудившимся в собственном забытом прошлом. Ничто – ни резная перегородка, ни ваза с икебаной в нише – не отзывалось во мне теплом воспоминаний.

Встреча с отцом произошла в его кабинете – просторном, до пустоты аскетичном помещении с видом на внутренний сад камней и, сквозь другую стену из сдвижных бумажных панелей, на бурлящий жизнью порт. Кайдо Такамитсу сидел за низким, лакированным столом из черного дерева. Он не был старым, его лицо, скульптурное и холодное, не несло на себе отпечатка возраста. В его глазах, того же стального оттенка, что и у Рёты, но пронизанных опытом тысяч принятых решений, не вспыхнуло ни искорки тепла или радости при виде дочери, вернувшейся, казалось бы, с того света. Он смерил меня с ног до головы одним долгим, оценивающим взглядом, как полководец осматривает новое пополнение.

– Теперь ты Юмэ, – произнес он, и мое новое, выстраданное имя в его устах прозвучало не как признание, а как утверждение свершившегося факта, как штамп в официаль-

ном документе.

«Да чтоб мой бамбук потрескался, какие мы суро-овые», – внезапно протянул Бэмби.

– И я приветствую тебя, отец, – пробормотала я, игнорируя ками и не понимая как себя вести.

Он не предложил мне сесть. Не спросил, как я себя чувствую после долгой дороги, не поинтересовался, что со мной было все эти годы.

– Твое выздоровление – несомненная милость предков и большая удача для нашего клана в это беспокойное время, – продолжил он, его голос был ровным и сильным, он заполнял собой все пространство комнаты, не оставляя места для чужого мнения. – Клан Сирайо, «Горная Ночь», усиливает давление на наши северные рудники. Их интриги при дворе Императора становятся все наглее. Нам как никогда нужны надежные, прочные союзники. А самые нерушимые узы – это узы крови, скрепленные браком.

Он сделал паузу, дав мне осознать смысл его слов. Воздух в комнате стал густым и тяжелым, им было невозможно дышать.

– Брачный контракт уже подписан и скреплен печатями, – он произнес это так, будто сообщал о погоде. – Твоим супругом станет Курокава Ичиро, даймё своего клана, правитель северных пограничных земель. Твои вещи уже отправлены, и сама ты отправишься к супругу немедленно, чтобы брак был подтверждён в самые короткие сроки. Эскорт во главе с

капитаном Рётой сопровождает тебя.

У меня перехватило дыхание. Весь мир сузился до ледяного лица отца и оглушительного гула в ушах. Это был не просто холодный, отстраненный прием. Меня, прямо с порога, без промедления, перепродавали, как партию редкого товара, даже не дав осмотреться, прийти в себя. Господи, да мне даже умыться с дороги не разрешили.

– Но... отец... – вырвалось у меня, голос срывался на жалкий, беспомощный шепот. – Я только что вернулась... я даже не помню этого места... я...

– Ты выполнишь свой долг, дочь, – его голос не повысился ни на полтона, но в нем зазвучала сталь. – Ты будешь моими глазами и ушами в доме Курокавы.

– Отец, я не понимаю, зачем эта спешка? Моё платье пыльное и мягкое после дороги из обители. Неужели это пойдет на пользу клану Кайдо, если мой супруг впервые увидит меня в столь жалком виде?

– Довольно возражений, Юмэ. Твоя миссия – укреплять этот союз, стать его живым символом, – отрезал Такамитсу. – Все остальное – твои личные чувства, воспоминания, желания – не имеет ровным счетом никакого значения.

Он коротким движением кисти руки дал понять, что аудиенция окончена. Ко мне подошел Рёта, который все это время, оказывается, находился рядом. Стоял в тени, являясь свидетелем того унижения, которому меня подверг собственный отец. Не мой отец, пришлось напомнить себе – это

отец Осиэки, а не мой.

Рёта кивнул на выход, и я зашагала за ним через лабиринт коридоров, к новому, еще более богатому паланкину, уже ждавшему в глубине внутреннего двора, под присмотром все тех же бесстрастных стражников.

«Да, давненько я с людьми не общался», – подытожил Бэмби. – «Уже и позабыл, какими “приятными” они могут быть».

Я промолчала.

Через полчаса, не больше, наш кортеж снова пришел в движение, покидая неприступные и недружелюбные стены поместья Кайдо. Я сидела в новой, еще более пышной повозке, и тупо смотрела в щель на удаляющиеся огни того, что должно было быть моим домом. Я не плакала. Во мне было лишь ледяное спокойствие. Я была пешкой, которую только что переставили на другую клетку доски, даже не спросив. Но ведь я и ожидала чего-то подобного. Хотя, конечно, цинизм ситуации поразил меня. Ну что ж, отец, у меня и вправду нет выбора, и я отправлюсь на север, в чужие пограничные земли ради какой-то непонятной мне стратегической комбинации. Но моя миссия будет при этом той, что я сама решу.

14. Холод вороньей скалы

Путь на север казался бесконечным. Пейзаж за щелью в паланкине медленно, но неуклонно менялся. Идиллические зеленые холмы и опрятные рисовые поля остались позади, уступив место суровым, поросшим хвойным лесом склонам, темным и неприветливым. Я словно снова возвращалась в обитель Сэйян-дзи, и честно говоря мне это было по душе.

Даже воздух снаружи стал другим – более резким, холодным, с примесью дыма и запаха хвои. Он обжигал легкие после влажной, мягкой атмосферы побережья Кайдо. Дорога стала хуже, паланкин кренился на ухабах, и каждый толчок отдавался во всем моем измученном теле ноющей болью. Я уже не видела признаков богатых поместий или оживленных деревень. Изредка попадались лишь бедные, убогие поселения, прижавшиеся к склонам гор, да одинокие дозорные вышки. Чувство отчужденности и тоски росло с каждым днем. Я ехала на край света, в изгнание, и весь мир вокруг, казалось, подтверждал это.

Наконец, мы достигли цели. Поместье Курокава выросло перед нами внезапно из самой земли, из скал, словно естественное образование. Его стены были не из тщательно отесанного камня, а из грубого, темного базальта, сливавшегося с цветом гор. Крыши построек были покрыты не лакированной черепицей, как в Кайдо, а темным, почти чёрным дере-

вом. Над всем этим витал дух не богатства и власти, а суровой, аскетичной функциональности и постоянной готовности к обороне.

Едва наш кортеж приблизился к массивным, окованным железом воротам, как они распахнулись, и оттуда выехала группа всадников. Это были самураи Курокава, и с первого взгляда стало ясно, что они – другие. Их доспехи были проще, без изысканных фамильных гербов, но больше всего меня поразило их оружие, хотя я уже слышала про это от Рэн. Рукояти всех катан, торчащих из-за спин, были угольно-черными, без какого-либо украшения. Они молча окружили наш кортеж, замкнув его в плотное кольцо.

«Неужто нам и здесь не рады?» – неожиданно проснулся Бэмби.

– Скоро узнаем, – тихо прошептала я в ответ и чуть пошире распахнула щель в занавесях паланкина.

Один из воинов Курокавы, чей шлем был украшен изображением крыла, выдвинулся вперед. Его голос был низким и хриплым, без тени почтительности.

– Дальше мы сами доставим невесту господину Курокаве, – произнес он, и это прозвучало не как предложение, а как приказ. – Ваша миссия завершена, Кайдо.

Воздух натянулся, как тетива. Мои самураи, до этого момента казавшиеся бездушными машинами, замерли в напряженной готовности. Их руки небрежно легли на рукояти мечей. И тогда вперед шагнул Рёта. Он не обнажил оружия, но

его осанка, его холодное, собранное спокойствие были красноречивее любых угроз.

– Наша миссия, – произнес он четко, глядя прямо на всадника с крылом на шлеме, – заключается в обеспечении личной безопасности Юмэ-син, дочери Кайдо Такамитсу, а в дальнейшем госпожи поместья Курокава и супруги Курокавы Ичиро. Эта миссия не имеет срока. Я и мой отряд приравнены к госпоже на постоянной основе. Мы – ее личная стража. И мы проследуем с ней до самых покоев.

«Как мило. Оказывается, не такой уж твой отец и бессердечный», – заметил Бэмби.

– Да уж, спасибо ему большое, целый отряд соглядатаев! – огрызнулась я

«А ещё теперь ты знаешь, как зовут будущего мужа – Ичиро. Просто день новостей!»

– Одна другой полезнее...

«Эй!» – я услышала в голосе ками явную ухмылку. – «Перестань брюзжать, это вообще-то моя прерогатива».

Я не ответила Бэмби, встревоженно вслушиваясь в тишину, последовавшую за словами Рёты. Два клана, две воли сошлись в немом противостоянии прямо у ворот поместья. Всадник Курокава что-то пробормотал себе под шлем, его взгляд, казалось, пытался просверлить Рёту. Но капитан Кайдо стоял недвижимо, как скала. Он не уступал. Он не просил разрешения. Он констатировал факт.

После долгой, тягостной паузы всадник наконец что-то

хрипло бросил своим людям и, не сказав больше ни слова, развернул коня и рысью направился внутрь крепости. Кольцо встречающих расступилось, пропуская наш кортеж. Рёта, не оборачиваясь, отдал тихий приказ, и мы двинулись вперед. Первая битва была выиграна, но война только начиналась.

Внутри поместье оказалось таким же суровым и неудобным, как и снаружи. Дворы были вымощены грубым булыжником, архитектура казалась простой, даже brutальной. Никаких изящных садов камней, лишь несколько кривых, обветренных сосен, цепляющихся за жизнь среди скал. Повсюду царил дух военного лагеря, а не семейного гнезда. Меня провели через лабиринт низких, темных переходов в самое отдаленное крыло комплекса. Оно явно давно не использовалось. Воздух здесь был спертым и пыльным, пахнувшим старым деревом и забвением.

Покои, которые мне выделили, оказались крошечными: узкая спальня, в которой почти все место занимала высокая кровать на постаменте, что-то вроде гостиной и примыкающая к ней умывальня. Голые стены и минимальный набор мебели: простые деревянные сундуки, низкий столик. Никто не встретил меня у входа. Ни глава клана, ни его приближенные. Меня просто привезли и бросили здесь, как нежеланный багаж.

«Что думаешь?» – Бэмби внезапно решил поинтересоваться моим мнением. Я пожала плечами, прохаживаясь по

комнатам в одиночестве.

— В целом мне все равно. Места хотя бы больше, чем было у меня в обители.

Ками рассмеялся.

«Замечательно, что ты такая некапризная. Я ненавижу женские истерики. Но ты же понимаешь, что это не покои, подобающие жене даймё?»

— Может это и к лучшему, Бэмби. Я бы не отказалась, чтобы про меня все забыли и не вваливали на меня обязательства перед чужими мне кланами.

Но рассчитывать на это было бы, конечно, глупо. И вскоре действительно появилась служанка — немолодая женщина с лицом, как будто вырезанным из мореного дуба, и цепкими, быстрыми глазами. Ее звали Фудзи, и в ее поклоне и бесстрастном «Добро пожаловать, госпожа» не было ни капли искреннего тепла. Она была таким же стражем, как и воины с черными рукоятями, только ее оружием были молчаливое наблюдение и безупречное исполнение обязанностей.

Мне дали время умыться и сменить дорожное платье на простое, но качественное кимоно, явно приготовленное заранее — вероятно, часть того приданого, о котором сообщил Такамитсу, перед тем как вышвырнуть меня из родного дома. Затем та же Фудзи, не глядя, сообщила, что господин Курокава ожидает меня в своем кабинете перед вечерней трапезой.

Сердце заколотилось с новой силой. Меня повели обратно

через лабиринт переходов, но теперь в другую, центральную часть поместья.

Кабинет Ичиро находился в квадратной башне. Два самурая с черными рукоятями мечей пропустили меня внутрь, не удостоив даже взглядом. Кабинет был таким же аскетичным, как и все здесь. Никаких росписей, никаких излишеств. На стенах висели карты и схемы оборонительных сооружений. За массивным столом из темного дерева сидел мужчина.

Курокава Ичиро был старше, чем я ожидала, ему было под тридцать, может даже тридцать пять, что примерно вдвое старше, чем мое нынешнее тело, как мне показалось. Да уж, нравы в этом мире вполне себе средневековые. До этой минуты я и вовсе не задумывалась о возрасте своего мужа – хватало и других тревог и страхов. Но сейчас осознала, что ещё легко отделалась – могла бы оказаться и вовсе женой старика, какой кошмар! Этот же внешне был вполне ничего, даже по меркам моей прошлой жизни. Широкоплечий красавец-мужчина: черные волосы были стянуты в узел, миндалевидные, но неожиданно синие глаза смотрели изучающе. Завершали картину волевой подбородок и немного крупноватый хищный нос. Этот нос немного его портил, но он же придавал лицу моего вроде-как-мужа некую изюминку. Пожалуй, будь нос поменьше, поаккуратнее, получился бы смазливый мальчик, похожий на тех, что снимаются в китайских или корейских дорамах.

Итак, мы рассматривали друг друга, и Курокава не встал,

не предложил сесть мне. Он просто ждал. Я сделала традиционный поклон, чувствуя, как дрожат мои колени.

– Юмэ Кайдо, – произнесла я, заставляя голос звучать ровно. – Благодарю вас за гостеприимство.

Он кивнул, коротко и по-деловому.

– Курокава Ичиро. Добро пожаловать в поместье «Воронья Скала», – его голос был низким и глуховатым, без всякой приветливости. – Надеюсь, ваше путешествие прошло без происшествий.

Это была чистая формальность. Я прекрасно понимала, что ему было все равно на мое путешествие.

– Брачный контракт между нашими кланами уже подписан, – продолжил он, переходя сразу к сути, без предисловий. – И я не стану отказываться от озвученного решения. Но... – Его взгляд скользнул по мне с головы до ног, и в его глазах я увидела не интерес к женщине, а оценку политического актива, – Мне сообщали, что вы долгое время пребывали в состоянии... умственного затмения. Легенда об уединенной почитательнице предков красива, но я предпочитаю иметь дело с фактами. Я считал, что получаю в жены... убогую. Дурочку, которую придется содержать, скрывая подальше от прочих.

Его слова были обжигающе откровенны и оскорбительны. Во мне все сжалось от унижения и гнева, но я заставила себя сохранять спокойствие. Я смотрела ему прямо в глаза, не опуская головы.

– Теперь же я вижу, что отчеты были неточны, – произнес он после паузы, и в его голосе впервые прозвучала тень чего-то, помимо холодной расчетливости. Возможно, легкое любопытство. – Вы выглядите... адекватной. И Фудзи доложила, что общаетесь вы вполне приемлемо. Надеюсь, так оно и есть. Мне не нужна лишняя морока. Наш союз – формальность, и я рассчитываю, что мы не станем друг другу документать. От вас не требуется участвовать в церемониях, появляться на людях. Не вмешивайтесь в управление поместьем, не задавайте лишних вопросов. У меня достаточно забот и без того.

Он откинулся на спинку своего кресла, его взгляд снова стал тяжелым и неумолимым.

– Ваши покои готовы. Ваша личная стража может остаться, но их полномочия заканчиваются у стен того крыла. Внутренние дела Курокава – не их забота. Вас будут сопровождать на прогулках, если таковые вам потребуются.

Разговор был окончен. Он не пожелал узнать меня как личность. Не спросил о моих мыслях, чувствах, не выразил ни малейшего намека на то, что наш брак может быть чем-то большим, чем холодной сделкой. Я была обузой, которая, к его удивлению, оказалась «адекватной» и «приемлемой». Политическим инструментом. И как любой инструмент, меня следовало содержать в исправности, но держать в строго отведенном месте.

Я поклонилась еще раз, без единого слова, и вышла. Дверь

закрылась за мной, и я осталась одна в холодном, темном коридоре, в самом сердце чужой, враждебной крепости. Моя новая жизнь началась.

15. Дом заходящей луны

На следующее утро я проснулась, когда солнце уже давно встало. Свет, бледный и холодный, пробивался сквозь мутные оконца, освещая спартанскую обстановку. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам замка, полного жизни: где-то скрипели ворота, кричали носильщики, доносился лязг оружия с тренировочного плаца. Ничего от утонченной, почти бесшумной эффективности обитатели Сэйян-дзи.

А потом за окном устроили концерт местные вороны.

«Ну до чего ж противные пернатые!» – начал ворчать Бэмби, как только понял, что я открыла глаза. – «Это теперь каждое утро так будет?»

– А тебе-то что? – поинтересовалась я, потягиваясь. – Ты же не спишь, значит и мешать вороны тебе не могут.

«Ну и что?» – возмутился Бэмби. – «Они оскорбляют мой утонченный слух. Не зря ведь моим вместилищем стала эта флейта, это что-то да значит!»

– Как интересно! Так ты сам выбирал вместилище?

Наш разговор прервался, когда в спальню после короткого стука вошла Фудзи.

– С пробуждением, госпожа. Вы меня звали?

– Нет.

– Но я слышала ваш голос, – прищурилась служанка.

Ох, даже в собственной спальне надо постоянно быть на-

чеку.

Я вздохнула.

– Не обращай внимания, Фудзи, у меня есть странная привычка беседовать сама с собой. В обители, где я провела много лет, было не так-то легко найти собеседника.

Кажется, Фудзи приняла это объяснение, во всяком случае больше вопросов не последовало, а служанка принялась сушиться, готовя одежду для грядущего дня.

Мне не было запрещено выходить. Напротив, Ичиро словно дал понять: «Вот ваша клетка, гуляйте, лишь бы под ногами не мешались». И я решила воспользоваться этим. Мне нужно было понять, куда я попала. Не как дочь клана Кайдо, а как человек, обладающий знаниями из другого мира.

Позавтракав в одиночестве принесенной Фудзи простой кашей с овощами, я накинула самое неприметное кэсамо и вышла из своих покоев, попросив служанку провести мне экскурсию. Крыло, в котором меня поселили, как она сообщила, совершенно при этом не смущаясь, называлось «Домом заходящей луны» и традиционно использовалось для размещения нежеланных гостей или второстепенных родственников. Поместье Курокава, или замок «Воронья Скала», как его называли местные, было построено как настоящая крепость. Его центр составлял главный дворец «сюден» – массивная двухэтажная башня, где располагались личные покои даймё и зал для аудиенций. К нему примыкали несколько более низких зданий – кухни, склады, казармы

для самураев, а также мой «Дом заходящей луны» и «Дом восходящего солнца» – крыло для почетных гостей. Все постройки были соединены крытыми галереями, но в отличие от изящных переходов в Кайдо, здесь они были грубыми, с протекающей кое-где кровлей. Вся территория была обнесена глинобитной стеной с деревянным частоколом наверху и сторожевыми башнями «ягура» по углам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.